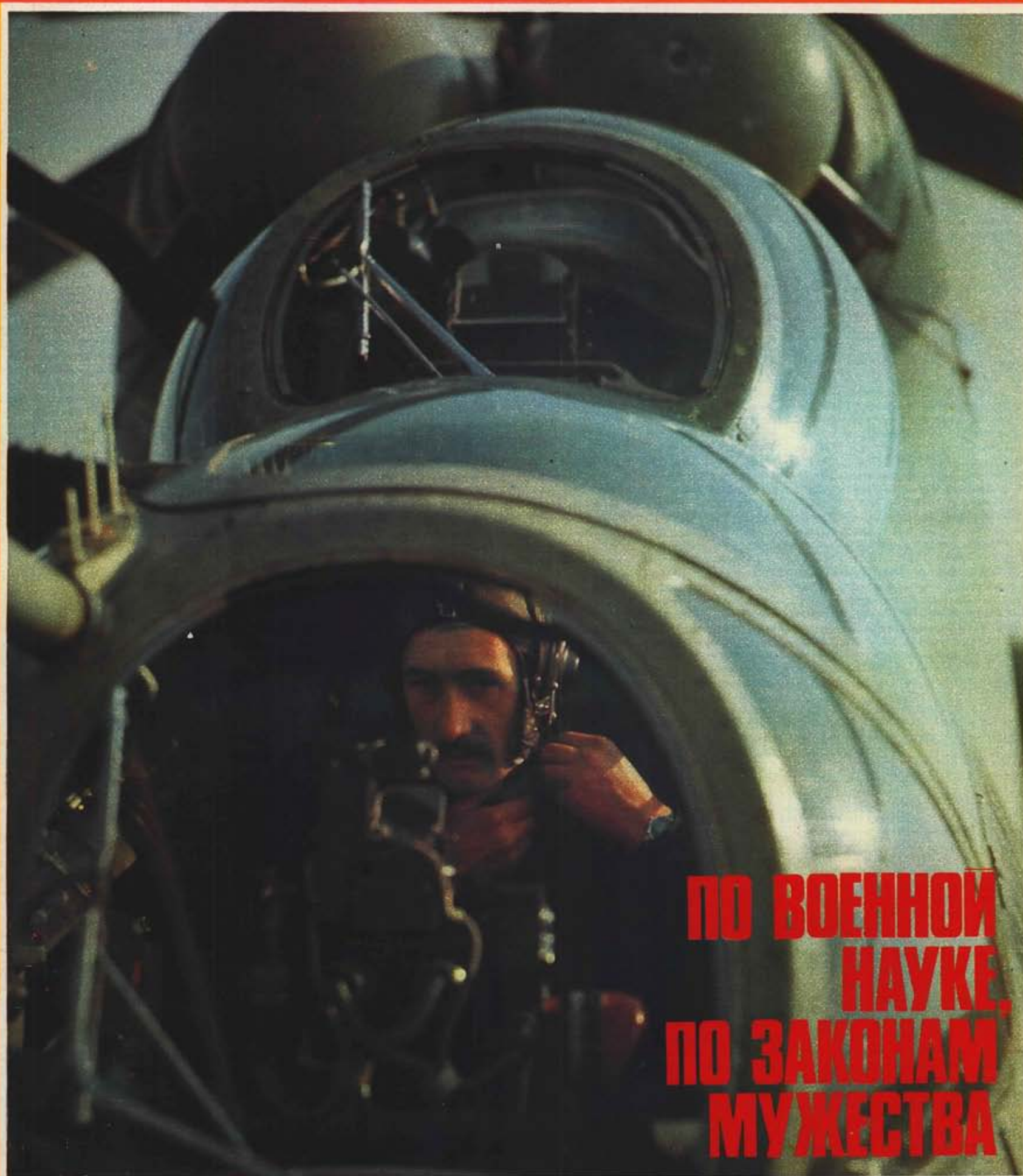

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1981

**ПО ВОЕННОЙ
НАУКЕ,
ПО ЗАКОНАМ
МУЖЕСТВА**

**РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС
В ЖИЗНЬ!**

МЛАДШИИ В РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ

Борис ПАВЛОВ,
кандидат философских наук,
сотрудник
Института экономики
Уральского научного центра
Академии наук СССР

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ОБЩЕСТВА И СЕМЬИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

ОСОБЫЙ РЯД

Интересная судьба у некоторых слов. Столетиями служат они верой и правдой людям, обозначая какие-то вполне определенные явления, предметы. Но вот приходит другое время, и старые слова приобретают новый смысл, новое содержание. Слово «династия» перешло в русский язык из греческого и первоначально по определению В. И. Даля означало «род, дом, говоря о государстве, поколение, из которого вышло несколько последовательно царствовавших лиц».

Социалистический образ жизни положил конец подобным династиям. В нашей стране династийность предполагается унаследование сыновьями, внуками профессий, профессиональных и производственных навыков, традиций, сохраненных и приумноженных их отцами, дедами, прадедами. В таких семьях наследуются не только трудовые и профессиональные качества, но и передается любовь и приверженность к определенному предприятию, производственному коллективу. Таким образом, труд, сфера труда являются своеобразным стержнем, вокруг которого формируется и развивается семья-династия.

Есть особый набор трудовых или профессиональных признаков, факторов, которые выделяют ту или иную семью из общего ряда в особый ряд семей-династий. Таких факторов можно выделить три.

Есть семьи, в которых из поколения в поколение передается принадлежность к тому или иному классу, слою общества. Скажем, в этой семье дед был рабочим. Его сын тоже стал рабочим (может, даже по другой профессии). С рабочим классом связал свою трудовую судьбу и внук. Аналогичную преемственность мы можем наблюдать в семьях колхозного крестьянства, в семьях социалистической интеллигенции.

Отличительная черта других семей — сохранение из поколения в поколение семейной традиционной профессии: дед — кузнец, отец — кузнец, сын — кузнец.

Сегодня, пожалуй, наибольший общественный резонанс получили семьи-династии, выделяемые по третьему фактору — фактору традиционной при-

верженности к конкретному предприятию, конкретному трудовому коллективу. О масштабе семьи-династии, ее своеобразной трудовой «мощности» в этом случае судят по числу совместно работающих на заводе, фабрике или в колхозе родственников, по числу совместных лет труда, отданных коллективу. Десятки, сотни семей-династий насчитывают многие предприятия, трудовые коллективы страны. Среди таких семей-династий есть уникальные. На Обуховском ковровом комбинате трудятся около пятидесяти Горшковых, связанных родственными узами. Их общий стаж трудовой деятельности на комбинате около 600 лет. В династии горняков Быковых из города Кушвы (Свердловская область) насчитывается около 200 человек. Общий фамильный стаж — 650 трудовых лет. Сорока представителей династии Марьянченко с киевского завода «Арсенал» в общую трудовую книжку семьи вписано свыше 700 лет.

Разные подходы, разные критерии, разные династии. Но есть одно общее в формировании социалистических трудовых династий. Семья, родственники своим влиянием, активным участием дают определенное направление трудовому старту детей, младших членов семьи. Помогают выбрать сферу трудовой деятельности, профессию, место приложения труда.

Но возникает вопрос: почему в одних семьях, у одних родителей дети, внуки в трудовой деятельности идут уже «протоптанными» отцами, дедами тропами? А в других младшие пытаются проложить свою тропу в жизни?

А вообще какой вариант лучше, первый или второй?

Вопросы эти далеко не простые. С позиции какой-то одной конкретной семьи, основываясь на опыте какого-то одного конкретного человека, очевидно, можно попытаться объяснить слабые и сильные стороны семейного влияния, ответить однозначно на поставленные вопросы. Но как рассмотреть за единичными фактами, примерами, ситуациями общие черты, общие закономерности преемственности молодежи трудового опыта старших поколений? Путь здесь один: анализ жизненных судеб большого числа семей.

Начиная с 1975 года в Институте экономики Уральского научного центра АН СССР был проведен целый ряд исследований по рабочим семьям-династиям, профессиональной ориентации молодежи, отношениям родителей и детей. Полученные результаты дают возможность ответить в какой-то мере на поставленные выше вопросы.

ИСТОРИЯ РЕМЕСЕЛ

Современные понятия «профессия», «специальность» в прошлые времена обозначались словами «промысел», «ремесло». История семьи насчитывает несколько тысяч лет. Не менее родовой и история ремесел.

С появлением фамилий по профессии зачастую именовали всю семью, отличали ее от сотен других семей, занимавшихся другими ремеслами. Именно благодаря этому у нас в стране широкое распространение получили фамилии Кузнецовых, Плотниковых, Столяровых, Токаревых, Коноваловых, Шаповаловых, Пивоваровых, Рыбаковых и т. д. Здесь же необходимо подчеркнуть, что вместе с профессиональным мастерством отцов к сыновьям автоматически передавались и такие нравственные ценности, как любовь и уважение к труду, к старшим, честность, скромность, добропорядочность и т. д.

Социализм провозгласил и на деле осуществляет (в отличие от капитализма) принципы всеобщего обеспечения трудом, свободы выбора профессии.

За годы социалистических преобразований дальнейшее небывалое по масштабам развитие получило общественное производство. Каковы сегодня возможности семьи передавать детям профессиональный опыт? Довольно невелики. Производственный труд родителей осуществляется вне семьи (здесь мы прежде всего подразумеваем родителей-рабочих). Там, на заводе, на фабрике — станки, машины; там из сырья делается готовая продукция. Производственный режим, техника безопасности не позволяют детям «вертеться» около работающих отцов и матерей, помогать им, пытаться перенять профессиональные навыки старших. И все-таки возможность такой преемственности имеется. Отец — шофер или тракторист нередко сажает сына рядом со своим рабочим местом, дает ему «порулить», «копается» с ним в моторе. Мать-швея на домашней машине обучает дочь портняжному искусству. И нередко эти «домашние профессиональные университеты» определяют дальнейшую трудовую биографию молодых.

Но чаще родители не являются учителями по профессии для своих детей.

Заботу о профессиональном обучении молодых взяло на себя общество.

В наше время профессиональные знания, опыт, навыки не являются частной собственностью работника, семьи, предприятия. Они — общенародная собственность. Специальность молодому человеку сегодня дается бесплатно. Ее можно получить как в профессионально-техническом училище, так и методом ученичества на предприятии. У рабочего, мастера, обучающих молодого работника профессии, нет сегодня оснований «придерживать опыт», «удлинять сроки ученичества», «не давать ходу молодым». В этом и состоит одно из преимуществ социалистического общественно-производства перед капиталистическим, частнособственническим.

ПРАВО ВЫБОРА

Чего желают родители своим детям? Конечно же, счастья. А счастье и труд — понятия неразделимые. «Несомненное условие счастья есть труд». Эти слова принадлежат Л. Н. Толстому.

Каким образом семья может повлиять сегодня на трудовую биографию молодого человека, помочь ему найти свое счастье в труде?

Есть три основные точки приложения воспитательных усилий семьи, родителей. Во-первых, воспитание в младших членах семьи трудолюбия, навыков самообслуживания, чувства и сознания необходимости труда, уважения к нему, уважения к людям труда. Во-вторых, помощь в выборе профессии и социально-классового статуса. И, в-третьих, выбор места приложения труда.

Каковы в настоящее время объективные возможности семьи в профессиональной ориентации детей? Сведения о различных профессиях старшие члены семьи, как правило, получают непосредственно из практики. Помимо своей специальности, работник знает в той или иной мере условия и содержание труда товарищей, работающих в том же цехе, на том же заводе по другим профессиям и специальностям. Итого: несколько десятков, может, сотен профессий, специальностей. А сколько их вообще? Всесоюзная перепись населения 1979 года зафиксировала их около 40 тысяч.

Таким образом, за пределами круга знаний родителей остается подавля-

ющая часть сведений о тысячах и тысячах различных других профессий и специальностей, с которыми им не пришлось непосредственно встретиться.

Прежде всего выясним позицию родителей по отношению к своей профессии. В анкете, которую заполнили 2164 трудящихся оренбургских предприятий (из них около 90 процентов рабочие), стоял вопрос: «Если бы Вам предоставилась возможность вновь начать свой трудовой путь, выбрали бы Вы вновь эту же профессию (специальность)?» Большая часть родителей ответили, что удовлетворены своим профессиональным выбором в начале трудового пути. Но одно дело — быть удовлетворенным своим трудовым путем, иное дело — дети. Поэтому задавался и другой вопрос: «Как Вы считаете, желательна ли, чтобы сыновья или дочери шли «по стопам отцов», наследовали их профессии, специальности?»

Прежде чем привести полученные нами данные, сделаем некоторое пояснение. Этот вопрос каждому работнику, с кем мы вели беседу, задавался в несколько абстрагированном плане. Нас интересовало их мнение не как отцов (по отношению к своим детям), а как людей, рассуждающих об этой проблеме как бы «со стороны». Вот какие мы получили ответы (в процентах от общего числа опрошенных — 645 человек):

В профессиональном плане детям желательно идти «по стопам отцов»...46,8
Преимственность профессии в семье необязательна.....46,1
Не ответили на вопрос7,1

Почти половина опрошенных родителей считают, что наиболее перспективным вариантом для молодых людей является выбор ими профессионального пути, уже «построенного» их родителями.

Положительные моменты такого решения проблемы профориентации в семье очевидны, особенно в случае, когда отцы и матери выступают непосредственно в роли рабочих-учителей, наставников своих детей. Передача профессионального опыта «из рук отца в руки сына» происходит и в более сжатые сроки и более качественно по ряду причин.

Во-первых, родители в силу родственных чувств, в силу ответственности перед семьей заинтересованы в скорейшем обучении сына или дочери.

Во-вторых, отец или мать, как правило, пользуются у своих детей большим авторитетом, чем незнакомые («чужие») рабочие-наставники. Отсутствие первоначального (подготовительного, адаптивного) периода, который необходим в случае сотрудничества двух ранее незнакомых людей (учителя и ученика, шефа и подшефного), и соответственно периода «нарачивания авторитета» учителя в глазах ученика, естественно, сокращает период обучения.

В-третьих, знание своего сына или дочери (его характера, привычек, способностей и т.д.) позволяет отцу-учителю более точно подбирать «педагогические ключики» к своему ученику, более эффективно строить процесс обучения и воспитания. Необходимо учитывать, что часто профессиональная биография «отцов» (если она «удачная», с точки зрения «сыновей») служит своего рода маяком для их детей, следующих этим путем. Кроме того, достижения отца или матери, других близких родственников не кажутся подростку чем-то недоступным. Помощь, поддержка, профессиональные консультации старших родных вселяют в молодых уверенность в успешном освоении профессий, реальную надежду на «подстраховку» в случае возможных ошибок, неудач. Характерно, что 43,7 процента участников наших интервью не возражали бы, если бы сын или дочь стали их учениками (в

настоящем или будущем) на предприятии, где они трудятся.

Приведем высказывания некоторых родителей, желающих видеть в своих детях воспреемников по труду:

— Сын должен наследовать мою специальность, чтобы она не «пропала» (столяр с Оренбургского тепловозоремонтного завода).

— Самой интересно работать и хочется научить сына или дочь своему делу (сортировщица с Орского мясокомбината).

— Работа у меня интересная, разнообразная. Применяю современные методы. Почему бы не пожелать такой работы сыну своему? (слесарь с Южуралмашзавода, г. Орск).

Нельзя забывать и о другой половине семей (46,1 процента), в которых, судя по ответам опрошенных нами рабочих, родители не настроены на передачу детям своей профессии. Планируемый отход детей от профессионального пути родителей обусловлен тремя мотивами. **Первый.** Отцы и матери право выбора профессии, места работы полностью предоставляют самим юношам и девушкам. **Второй.** Не удовлетворенные собственной профессией и условиями труда, родители выступают (явно или неявно) против повторения детьми их трудового пути. И, наконец, **третий.** Родители, сами будучи рабочими, стремятся дать среднее специальное или высшее образование и тем самым перевести детей в социальный слой интеллигенции.

Вот характерные высказывания родителей, выступающих против трудовой династичности в своей семье:

— У меня такая профессия, что учить нечему (рабочий Оренбургского тепловозоремонтного завода).

— Сыну передала бы свою профессию, а доведись до дочери, то не пожелала бы ей работать на станке (фрезеровщица с Южуралмашзавода, г. Орск).

— Что им делать, молодым, с этой специальностью в XX веке? (шорник с завода строительных машин, г. Орск).

— Дети должны достичь чего-то большего, чем их родители (механик Оренбургской фабрики пуховых платков).

Анализ показывает, что профессиональная ориентация детей в семьях, и в особенности профессиональная ответственность в рабочих семьях, во

многом зависит от условий и характера труда родителей на предприятиях, от социально-экономического престижа этих предприятий, перспективы их развития. Негативная информация об отдельных малопривлекательных профессиях идет к подростку в первую очередь от его родителей или родственников.

Показательно отношение к профессиональной ориентации детей в рабочих семьях-династиях. В рабочих семьях нединастичных (работает на предприятии один член семьи) число выразивших желание стать рабочими — наставниками своих детей равнялось 38,7 процента (от всех опрошенных в этой группе семей). В семьях, в которых трудятся совместно на одном предприятии 2—3 человека, этот показатель соответственно равен 42,7 процента. В семьях-династиях с 4—5 работающими родственниками — 51,0 процента.

Подобную повышенную готовность многих «династичных» рабочих передать свой профессиональный опыт детям можно объяснить несколькими моментами.

Во-первых, среди членов семей-династий на предприятиях мы встречаем сравнительно большее число работников, удовлетворенных своей профессией, местом работы. Понятным представляется стремление этих родителей передать своим детям интересную и перспективную, на их взгляд, профессию, направить их в тот же цех, порою на то же рабочее место.

Во-вторых, семьи-династии, в особенности старшие члены этих семей, в большей степени ведут оседлый образ жизни, вследствие чего они планируют профессиональную учебу и трудоустройство своих детей по преимуществу в этом же городе.

В-третьих, в семьях-династиях имеют более глубокие и крепкие корни трудовые традиции, отсюда и стремление родителей, старших братьев и сестер личным примером «зажечь» у младших любовь к профессии, уважение к труду, приверженность к определенному трудовому коллективу.

А как же все-таки родители влияют на выбор молодых людей в сфере труда?

Пришло время, начали пробиваться

усы, — пойдут за советом к родителям?

Очевидно, нет. Любовь к труду, любовь или нелюбовь к конкретной профессии, конкретному заводу формируются всем строем семейной жизни, поведением родителей, их отношением к тем или иным фактам, явлениям. И порою саркастическая улыбка взрослых, вскользь брошенное слово, необдуманный поступок начисто перечеркивают годы родительских сентенций, советов.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ

К чьему совету прислушиваются молодые? Как мы уже попытались показать, значительная часть родителей в настоящее время занимает четкую позицию относительно профессионального будущего своих детей. С одной стороны, это родители, не возражавшие против продолжения их детьми семейных профессиональных традиций (в нашем опросе таких оказалось 43,7 процента), с другой — та часть отцов и матерей, которые не желают, чтобы их дети шли «по стопам» родителей, а приобретали бы другие, более интересные и перспективные, на их взгляд, профессии и специальности.

Как же реализуют дети планы своих родителей, родственников?

Можно выделить два основных этапа в выборе молодыми людьми своего профессионального и производственного пути. Первый — условно назовем его **романтическим**. Перед молодыми людьми, заканчивающими школу, в принципе открыты все профессиональные дороги. Можно стать слесарем или рыбаком, швеей или инженером, геологом или космонавтом. Наконец, можно попробовать свои артистические или писательские способности. Не так просто выбрать из тысяч занятий одно.

В г. Златоусте мы опросили 981 подростка в возрасте 14—17 лет. Все они стоят на пороге профессионального вы-

СЕМЬЯ ЕРОШИНЫХ. БЕЗ НЕЕ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ МОСКОВСКИЙ ЗАВОД ШЛИФОВАЛЬНЫХ СТАНКОВ. ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, ГЛАВА СЕМЬИ, ПО ПРОФЕССИИ РАСТОЧНИК. ЕГО ЖЕНА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА И СТАРШАЯ ДОЧЬ ЕЛЕНА — КОНТРОЛЕРЫ ОТК. ПРИМЕРУ РОДИТЕЛЕЙ И СЕСТРЫ ПОСЛЕДОВАЛА И ТАТЬЯНА. ОНА ОКОНЧИЛА ЗАВОДСКОЙ ТЕХНИКУМ И СТАЛА ТЕХНИКОМ-КОНСТРУКТОРОМ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

бора. Каковы же планы юных? Вот ответы старшеклассников (в процентах от общего числа опрошенных):

Хочу стать	
— высококвалифицированным рабочим.....	10,6
— рабочим в сфере обслуживания (продавцом, парикмахером и т. д.)....	16,8
— инженерно-техническим работником.....	16,1
— врачом, учителем, писателем и т. п.....	21,0
— другие профессии умственного труда.....	11,9
— не задумывались о профессии.....	23,6

Реальны ли эти планы? Можно с большой долей вероятности сказать: во многом нереальны. Сегодня народному хозяйству требуется примерно на три работника физического труда (рабочих, колхозников) — один с профессией, относимой к занятиям умственного труда (врач, учитель, инженер и т. д.). В планах старшеклассников пропорции, как видим, другие. Но жизнь корректирует планы, устремления молодых людей. Каждому новому выпуску общеобразовательных школ общество готовит вполне определенное число мест в вузах, техникумах, профессионально-технических училищах, рабочих мест на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах. К концу сентября — октября — большая часть городских школьников выбирает рабочую профессию. Это второй этап — этап **реального** профессионального выбора.

Что или кто влияет сегодня на этот процесс? Приведем данные опроса молодых оренбургских рабочих в возрасте до 20 лет. Для сравнения даны ответы рабочих старшего поколения в возрасте 40—49 лет. Они свою первую рабочую профессию выбирали в 40—50-е годы. Итак, кто или что оказало влияние на выбор первой рабочей профессии (в процентах от общего числа опрошенных в каждой возрастной группе: «до 20 лет» — 349 человек, «40—49 лет» — 549 человек)?

	до 20 лет	40—49 лет
Самому нравилась эта специальность	41,8	35,0
Так сложились обстоятельства	11,5	27,3
Повлияли на выбор родители	13,8	7,7
Повлияли друзья	8,0	5,1
Это была семейная традиция	3,4	4,2
Повлияли учителя из школы	2,9	1,5
Повлияли книги, радио	1,7	0,2
Выбрал профессию случайно	16,3	16,4

Мы можем констатировать, что большая часть молодых выбирает себе профессию самостоятельно. Лишь каждый седьмой молодой рабочий (13,8 процента) отметил в анкете решающее влияние родителей.

В рабочих семьях-династиях младшие члены семьи чаще выбирают профессии или специальности, по которым трудится кто-либо из родственников. Анализ родословных 265 семей оренбургских рабочих показал, например, что есть семьи, в которых имеется по несколько специалистов одной профессии. Из семи членов династии Гоголевых с оренбургской швейной фабрики 6 человек — швеи, в династии Трубиных с этой же фабрики — 3 механика и 2 швеи. В династии Горюновых с комбината Южуралникель (г. Орск) — 3 электромонтера. В этих случаях освоение детьми профессии отцов, старших родственников во многом — следствие желания

следовать семейной традиции. Профессиональный опыт одного из родственников, если он оказался удачным, служит своего рода «пробным камнем», образцом для подражания другим членам семейного коллектива.

Выбор профессии, занятия во многом связан с выбором места приложения труда. Для многих молодых людей решение вопроса «Где работать?» зачастую важнее вопроса «Кем работать?». Социально-экономическая привлекательность специальности во многом определяется теми условиями, в которых предстоит работать молодому человеку, набором тех социальных благ, которые он получит за свой труд. Токарем можно работать в светлых, чистых цехах современного предприятия, имеющего свои спортивные сооружения, базы отдыха, предоставляющего своим работникам жилье, транспорт, возможность устроить ребенка в ясли, детский сад... А можно токарить в какой-нибудь полутемной, старой мастерской мелкого предприятия, на котором «туго» решаются социально-бытовые проблемы.

В какой мере здесь следуют молодые люди советам родителей? Исследования показывают, что в целом примерно каждый четвертый-третий молодой рабочий выбирает трудовой коллектив (в котором предстоит начать свою рабочую биографию) по совету отцов, матерей, близких родственников. Но если анализировать различные группы семей, например, отличающиеся степенью династичности, то мы фиксируем различную степень влияния семейного коллектива. Среди «нединастичных» молодых рабочих (то есть рабочих, не имеющих на этом же предприятии родственников) лишь 13,4 процента опрошенных ответили, что выбрали предприятие по совету родителей, родственников. Среди их молодых «династичных» товарищей по труду число вынужденных советов близких составило 60,9 процента.

Объективной основой влияния семьи-династии на своих молодых членов служит повышенная социальная **сплоченность** семейных коллективов, общесемейная солидарность в оценке социальных значимых явлений. Не может не оказывать положительного влияния на молодое поколение и патриотическая «привязанность», приверженность старших членов семей к одному предприятию, к одному производственному коллективу. Наглядный пример добросовестного отношения старших в семье к труду, к своим рабочим обязанностям, понимания своего долга перед товарищами по цеху, бригаде, постоянной духовной причастности к общим делам коллектива определенным образом «заражает» воспитывающихся в этой атмосфере юношей и девушек желанием приобщиться к делам старших членов семьи.

Если подвести краткий итог, то мы сегодня в трудовых коллективах встречаем две группы молодых рабочих. Первая, более многочисленная, — те молодые люди, которые «изменили» профессии отцов, выбрали из тысяч разных занятий свое собственное. Из сотен тысяч трудовых коллективов выбрали один, также не по совету родителей, семья, а по собственному вкусу. Вторая группа — это юноши и девушки, идущие по профессиональным тропам своих отцов, матерей, родственников. Они работают с ними «локоть к локтю» на одних предприятиях, в одних цехах, порою рядом на станках, в одних бригадах. Что лучше, а что хуже? Какой трудовой старт наиболее предпочтителен?

А с каких позиций расценивать «что такое хорошо?» и «что такое плохо?» — спросит читатель. С позиций молодого человека? А может, исходя из интересов его родителей или семьи в целом? А ведь еще следует учитывать интересы предприятия или города, испытывающего дефицит кадров? —

Искать ответ на эти непростые вопросы нужно прежде всего с позиций общественных интересов. Именно они в конечном итоге обеспечивают реализацию более частных интересов.

В чем заинтересовано общество? Общество, строящее коммунизм и начертывшее на своем знамени цель: гармоническое развитие личности — кровно заинтересовано в постоянном развитии производительных сил, последнее возможно лишь при условии проявления и рационального использования наклонностей, способностей, дарований всех молодых людей, вступающих в трудовую жизнь. Социалистическому обществу безразлично, проявится ли останется нереализованным у того или иного юноши или девушки природный талант художника, медсестры, токаря, летчика, ткачихи, сталевара, учителя и т. д.

В принципе каждый молодой человек вправе многозначно решать свою дальнейшую судьбу, касается ли это выбора профессии, выбора предприятия, города, района страны, где бы он желал жить и трудиться.

Социализм обусловил широкую социальную подвижность вступающим в самостоятельную жизнь молодым поколениям людей. Этому способствуют бесплатное профессиональное обучение, обеспечение молодежи при необходимости общественным жилищем и коммунально-бытовыми услугами по месту учебы и работы практически в каждом городе. Сегодня молодой человек может найти себе работу в любом населенном пункте и в первую очередь по основным рабочим профессиям.

Советское законодательство о семье и браке, весь социалистический образ жизни положили конец и существующей веками социально-экономической зависимости взрослых детей от своих родителей. Молодой человек, достигший совершеннолетия, вправе по своему усмотрению распоряжаться своей судьбой, реализовать свои мечты, стремления, жизненные планы. Вот почему значительная часть юношей и девушек сразу после окончания учебы в общеобразовательной школе расстается со своими родителями, уезжает в другие населенные пункты для продолжения учебы в выбранном ими училище, техникуме, вузе, для поступления на работу на какое-либо предприятие, стройку.

Но это одна сторона проблемы — потребности личности. Они, очевидно, должны гармонически сочетаться с потребностями общества. Это сочетание наглядно определяется статьей 40 Конституции СССР: «Граждане СССР имеют право на труд, — то есть получение гарантированной работы с оплатой труда, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей».

Общий социально-экономический смысл этой статьи можно условно вместить в три слова: **ХОЧУ, МОГУ, НАДО**. Наши желания мы должны соизмерять с нашими способностями и умениями. И все это должно согласовываться с общественными потребностями.

Если бы провести опрос среди выпускников школ и выяснить их желание, скажем, стать шофером или киноактером, дипломатом, летчиком-испытателем, то результат можно пред-

сказать заранее: он будет не в пользу шоферов. А каковы общественные потребности? У нас в стране трудится несколько миллионов шоферов; актеров, дипломатов — всего несколько тысяч человек. Не многие, наверно, отказались бы работать в Одессе, Киве, Ленинграде... Но есть сотни, тысячи других городов, населенных пунктах, где требуются умелые, трудолюбивые рабочие руки, смекалистые головы.

Да, обществу надо, чтобы молодые люди по призыву комсомола прощались с родными и ехали осваивать новые земли, строить и обживать новые города. Да, общество заинтересовано в том, чтобы знания юношей и девушек, их склонности, устремления реализовывались с большей полнотой в другом городе, на другом предприятии. Пусть даже это связано с отъездом из родных краев, из отчего дома.

Да, обществу поощряет и будет поощрять молодых людей на освоение новых профессий, специальностей, новых производств, на роль пионеров в научно-техническом прогрессе. А это «автоматически» означает «измену» профессиональным традициям отцов, дедов.

Но общество заинтересовано и в другом: бережно передать молодым поколениям опыт старших поколений, опыт трудовой, профессиональный, нравственный. Рабочая семья является одним из важных факторов такой преемственности.

В общей массе советских трудовых семей рабочие семьи-династии сегодня составляют не столь значительную часть. В Свердловской области, например, около миллиона семей трудящихся, а семей-династий насчитывается немногим более 20 тысяч. Но здесь важно другое: важен тот эффект, который мы имеем при сотрудничестве родственников в сфере труда, на производстве. В воспитательной деятельности семей-династий зримо проявляются элементы комплексного подхода к формированию мировоззрения и характера молодого человека, выражающиеся в преемственности воспитательного процесса — отцы и матери, родственники буквально от пеленок и до вступления в ряды рабочего класса «ведут» сына или дочь по ступеням социальной зрелости, в органическом соединении общественных, коллективных и личных (семейных) интересов — кровнородственная заинтересованность рабочих-учителей в детях-учениках словно катализатор ускоряет, улучшает процесс приобщения детей к общественному производству. В способности рабочей семьи-династии осуществлять контроль за младшими ее членами и оказывать помощь не только в сфере производства, но и вовне его. Рабочий-подросток находится в единой системе обучения и воспитания общества, коллектива и семьи.

Чьи интересы здесь удовлетворяются прежде всего? Семей? Да. Хорошо воспитанный, трудолюбивый сын или дочь — радость родителей. В этом же кроется и общественный интерес. А как же интересы самого молодого человека? Не ущемляются ли они? Не сковывается ли его свобода?

Как поступает благоразумный человек, которому трудно, который сомневается в правильности своего выбора, которому предстоит решить трудную и сложную проблему? Он обращается за советом к другим людям, просит у них помощи. Для каждого молодого человека такой сложной жизненной проблемой является трудовой старт. В этом случае нельзя отказываться от совета, помощи, участия в своей судьбе самых доброжелательных, заинтересованных и любящих его людей. Нельзя потому, что этот старт должен привести его к любимой профессии, к творчеству, к хорошим отношениям в трудовом коллективе. Одним словом, к Счастью в Труде.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 21 (1307) НОЯБРЬ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«К вылету готов!»

Фото
Владимира
Чейшвили

Репортаж
«Выиграть свой бой»
читайте
на 12-й странице.

1 Борис ПАВЛОВ, кандидат философских наук.
«МЛАДШИЙ В РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ».

3 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
«В ПОДАРОК — БИБЛИОТЕКИ».

4 Рассказы Бориса КРАВЧЕНКО
«БУДНИЧНЫЕ КАРТИНКИ».

7 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
Стихи Игоря БЕХТЕРЕВА.

8 Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
«СЧАСТЛИВЫМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ».
Статья третья.

12 «ВЫИГРАТЬ СВОЙ БОЙ».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

15 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Адель АЛЕКСЕЕВА. «ДОРОГА ДОМОЙ».

18 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

20 «СКАЗКА В КАМНЕ».

21 «ПРИЧЕСОК МАРШ-ПАРАД».

22 «В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ».

24 Братья ВАЙНЕРЫ. «КАРСКИЙ ПРОРЫВ».

28 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

31 ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СА-
ЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный худож-
ник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИПОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда» «Смена» 1981 г.

Детский дом — теплый дом

В ПОДАРОК — БИБЛИОТЕКИ

К читателям и друзьям «Смены»

Напомним об эксперименте, который редакция «Смены» провела вместе со своими читателями. Мы имеем в виду создание двух библиотек в Новом Уренгое — юном городе газозаводов на севере Тюменской области. Без вас, вашей помощи, дорогие друзья, наша идея так бы и осталась идеей. Это вы так сердечно отозвались на просьбу редакции, прислав книги в подарок молодым учителям Тюменского Севера и их детям. Подарок получился превосходный. Сейчас общий фонд двух новоуренгойских библиотек превышает сто тридцать тысяч книг, из них около ста тысяч — детская литература. Со времени открытия библиотеки для детей прошло уже более полугодия, а бандероли и посылки с книгами в город за шестидесятой параллелью идут до сих пор — так много у хорошей затеи оказалось доброжелателей.

Надеемся, что найдем у вас поддержку и на этот раз, в новом нашем деле.

В 16-м номере «Смены» мы начали разговор о проблемах детских домов и отметили такую деталь: в детских домах нет своих библиотек. Наверное, очень давно, когда жили мы победнее, кто-то решил, что детдомовские ребята вполне могут обходиться книгами из библиотеки районной или городской. И все-таки нужны, очень нужны детским домам свои собственные библиотеки. Книга — это ведь тоже воспитатель, воспитатель тонкий и умный, и ребятам, чьих судьба лишила заботы отца, нежности матери, книга просто необходима. И находиться эти добрые друзья должны не где-то далеко, а в самом детском доме, чтобы, как из семейного книжного шкафа, мог ребенок взять книгу и открыть заветные страницы, когда будет у него на то время и желание.

Как подступиться к проблеме? Можно, конечно, дожидаться, когда государственные организации изыщут необходимые средства для комплектации библиотек в детских домах, и они, вероят-

но, рано или поздно будут созданы. Но есть и другой вариант...

Две поразительные цифры. Если сложить в общий фонд книжные сокровища всех библиотек страны, то получится собрание из пяти миллиардов томов. Но оказывается, что государственные библиотеки по своему объему и близко не могут сравниться с личными, — на руках у населения книг сегодня тридцать (!) миллиардов. Малой, совсем малой каплей этого моря достаточно, чтобы утолить жажду в книгах детдомовских ребят.

Журнал «Смена» вновь обращается к вам, дорогие наши читатели.

Давайте внесем и мы свой вклад в общее дело, создадим библиотеки «Смены» в нескольких детских домах и школах-интернатах для детей-сирот. И пусть это будет библиотеки, с которых можно брать пример. Какие книги присылать? Мы думаем, любые из тех, что, на ваш взгляд, интересны детям и подросткам: художественные, научно-популярные — любые. Только одно важное пожелание: книги должны быть в хорошем состоянии, чтобы служили они долго, не одному поколению детдомовских ребят.

Надеемся, что на нашу просьбу откликнутся не только молодые читатели, но и люди старшего поколения, сыновья и дочери которых уже выросли, а когда-то любимые ими книги сейчас скачуют на полках. Особо ждем помощи в сборе книг от пионеров, школьников, студентов, комсомольцев — всех, кого волнует судьба детей, оказавшихся в беде.

Комплектование будущих библиотек мы решили организовать в самой нашей редакции, поэтому напоминаем адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена», «Детский дом — теплый дом».

О детских домах, в которых будут открыты библиотеки, собранные читателями, мы, конечно же, расскажем на страницах нашего журнала.

Ждем вашего отзыва, ваших книг, дорогие друзья!

БУДНИЧНЫЕ КАРТИНКИ

Борис Кравченко живет и работает в Кондопоге, в часе езды от Петрозаводска, где он родился в 1945 году. Юношей начал он трудовую жизнь, работал на лесопунктах Карелии, Урала, монтажником на буровой в Тюменской области. А потом стал бульдозеристом. Это трудная работа: с бульдозера не слезаешь, даже вернувшись домой,—он остается неистребимым запахом солярки, тряской во всем теле и гудом в голове. Тут бы расслабиться, перевести дух, а Кравченко садится за старую пишущую машинку «Башкирия» и до поздней ночи выколачивает одним пальцем очередной маленький рассказ о таких же, как он сам, трудягах, о светлых людях, а также о тех, кому в жизни не повезло, кто ошибся, сбился с пути и мучительно ищет дорогу к себе. Кравченко — несомненный писатель, потому что он любит и понимает всех людей, а не только тех, которых легко любить. Сейчас у него вышла небольшая книжка в издательстве «Карелия», а «Молодая гвардия» готовит его новую книжку. Долог и труден был путь в литературу упрямого кондопогского бульдозериста, но он остался верен «заколу стройки» (есть у него рассказ с таким названием): не отступать — и добился своего. Борис Кравченко узнал, что литературное дело не легче механизаторского, тут трясет иной раз сильнее, чем на бульдозере, с которым он не думает расставаться. Верится, что ему под силу двойная нагрузка.

Юрий НАГИБИН

Время

Егор посмотрел на часы, в окно, нахмурился, сунул в карман лежавшее на столе курево и вышел из теплой дежурной комнаты на перрон. Поеживаясь от утренней прохлады, крикнул:

— Мефодьевна?!

Сидевшая на скамейке старая Васса подняла голову и, подслеповато щурясь, равнодушно откликнулась:

— Это ты, Егор?

Егор облегченно вздохнул.

— А я уж, грешным делом, подумал, случилось с тобой что. Пассажирский-то, поди, час как ушел. Что домой-то нейдешь? Не лето на земле, недолго час и простыть можно...

— Ты пошто поезд-то так рано отпустил?—с укоризной, словно не слыша вопроса, спросила Васса.—Я и словечком-то с ним обмолвиться не успела.

Егор махнул рукой и, усаживаясь рядом, раздраженно сказал:

— Опаздывал. К конечной время наворачивал. Взяти в привычку с маленьких станций время отбирать, будто здесь людям расстаться легче. А на больших станциях как ни опаздывает, а положенное отстоит. Как же!

Васса зябко поежилась, посмотрела на холодно отсвечивающие рельсы, на стоявший поодаль семафор и, спрятав ладони в рукава плюшевой жакетки, застыла.

Егор искоса взглянул на нее и, хотя прекрасно знал, куда уехал ее сын, участливо спросил:

— Куда поехал-то?

— Город какой-то строить,—почти прошептала Васса.

— Далеко?

— Они же теперича близко не уезжают. Им куда подальше.

Егор нахмурился, выгасил папиросы.

— Это точно. Моя вон пигалица тоже из дому собралась. Поеду, говорит, на новую стройку. А я ей: ты, говорю, сначала себя как положено выстрой, а то не посмотрю, что груди повялились, так ремнем отпощу, что любо-дорого. Да-а. А твой-то надолго уехал?

Васса вздохнула, взглянула на Егора серыми с голубой каемкой старости глазами.

— Сказал, что ненадолго.

— Если ненадолго, то это ничего, это терпимо,—подбодрил Егор и, выпустив густое облако голубоватого дыма, спросил:—Домой-то чего нейдешь? Простынешь. Я вон мужик, а и то прохватывает.

— А куда идти-то,—то ли спрашивая, то ли отвечая, чуть слышно промолвила Васса.

Егор удивленно посмотрел на нее.

— Как это куда? Домой!

— Домой,—горестно вздохнула Васса.—А кто меня там ждет, дома-то? Пустота да тишина.

Егор крикнул. Хотел еще что-то сказать, но замолчал на полуслове. Задумался.

— Слышь, Егор,—после продолжительного молчания окликнула его Васса.

Тот вздрогнул. Щелчком отправил папиросу в сторону, обернулся.

— Я, Егор, вот думаю, а одного в толк взять не могу. Кто же мне, старухе, такое бессердечное наказание принес? Одну оставил... Разве ж я за жизнь-то свою обидела кого или, может, что не так сделала? А может, и сделала что, да за суетой да хлопотами и не заметила. А оно заметило, вспомнило...

Егор некоторое время смотрел на склоненную голову старой женщины, из-под клетчатого платка которой выбивались седые пряди. Потом недоуменно спросил:

— Кто оно-то?

— Не знаю я... Но ведь одна же я осталась. Вот она я, здесь. А сын уехал. Сам видел. Не может же быть того, чтобы человека ни за что ни про что наказывали.

Егор хмыкнул. Потер подбородок, согласился:

— Это верно. Наказывать—надо знать, за что.

— Я так думаю, Егор, что всю жизнь ко мне это, оно, одиночество, подбиралось. Тихохонько, незаметно. Оно и мужа моего, Григория, если помнишь, на фронте жизни лишило, и меня состарило, а теперь вот и сына отнял.

— Кто отнял-то?!—рассердился Егор.—Выдумываешь ты все, Мефодьевна. Сама подумай. Какая, разреши у тебя спросить, сила это все делает? А?

Васса не ответила.

— То-то,—удовлетворенно пробасил Егор.—А вот если...

Бум-м! Оборвал Егора чистый литой звук. Васса вздрогнула. Егор вздрогнул. У висевшего слева от входной двери, ведущей в зал ожидания, станционного колокола стоял мальчишка.

— Я вот тебе! Счас все уши оборву!

Мальчишка зауплетывал по тянувшимся в сторону деревни деревянным мосткам.

— Что за пацаны!—удивленно проговорил Егор.—Их хлебом не корми, дай в колокол звякнуть.—Взглянув на Вассу, обронил:—Пойду я. Делов еще много. А ты домой иди. Жизнь она и есть жизнь. Она без нашего согласия катит сквозным до самой конечной безо всяких остановок, и все дела...

Когда за Егором хлопнула дверь, Васса, опираясь обеими руками о край скамьи, встала и, тихонько ступая по прихваченной морозцем земле, подошла к колоколу. Звук, исходивший от него, показался ей удивительно знакомым. Она была уверена, что слышала его не только сейчас, а всю жизнь и что именно он, и никто другой, принес ей все то, что выпало на ее долю.

Из-за висевшей над самым горизонтом тучи выглянуло большое оранжевое солнце. Серебряный бок колокола стал золотистым. Она постояла, неуверенно протянула руку, взяла свисавшую из его нутра холодную веревку.

Бум-м!—разнеслось над станцией. Она наклонила голову, слушала, пока тишина не впитала последний звук. Дернула посильней. Бум-м-м! Уверенно отпихивая и без того шарахнувшуюся в разные стороны тишину, понеслись к лесу, деревне, солнцу вздрагивающие от нетерпения и собственной силы звуки. Хлопнула дверь.

— Я вот тебе!—закричал полным негодования голосом выскочивший Егор. Но, увидев стоявшую у колокола Вассу, замер, приоткрыл рот и, оглянувшись, словно желая спросить у кого-нибудь: «Что это с ней?»—выдал:

— Ты это чего, Мефодьевна?

Но старуха, не отвечая и даже не взглянув на него, повернулась и засемила к деревне.

Она вспомнила. Часы! У нее в избе точно так же бьют часы—большие, круглые, в деревянном футляре. Теперь она знала, кто виноват в том, что жизнь ее не удалась, знала, кто отнял у нее мужа, сына, оставил одну. И знала, что нужно сделать.

Мостки, покрытые каких-то два часа назад тонким ледком, с приходом солнца оттаяли, и идти было хорошо. Не отвечая на приветствия, чуть согнувшись, придерживая рукой сползающий платок, она спешила к своей избе, стоявшей в самой середине деревни.

Отворив калитку и забыв запереть ее, поднялась по молчавшим под ее худеньким телом ступенькам крыльца. Остановилась на пороге, успокаивая затрепетавшее, непривычное к быстрой ходьбе сердце.

В избе было тепло и тихо. Пахло пирогами. Из комнаты сына доносился еле слышный голос радио. Спокойно тикали часы. Держась рукой за стенку, она вошла в комнату, опустилась на диван, долго-долго глядела на часы. Она невольно припомнила всю свою жизнь с того самого дня, когда отец подарил ей на свадьбу эти часы.

...Была весна. Было много гостей, солнца. Так же, как сейчас, в избе накрыли длинный стол, уставив его едой, бутылками с вином. Вышел из соседней комнаты отец и протянул ей часы и маленький блестящий ключик...

Васса пошевелила пальцами и словно ощутила в руках теплый ключик и тугость пружины, услышала веселый голос отца: «А теперь мы поставим время, чтоб точно, чтоб в ногу». Она принесла табурет, и отец вбил в стенку два гвоздя: большой—для часов, маленький—для ключика. Вспомнила их радостный бой, услышанный вместе с веселым «горько».

А потом... Васса вздохнула. Она возненавидела их. С бессильной яростью, помнитса, смотрела она на часы, когда ранним утром они принимались бить и будили ее, невыспавшуюся, усталую. Бить требовательно и насмешливо, словно издеваясь, заставляя вставать, пересиливая боль в пояснице, плечах, чтобы окунуться в круговерть длинного, полного больших и малых дел дня. И как неохотно, словно делая одолжение, отбивали они время сна...

Не раз мечтала Васса, чтоб они сломались. Но, верно, хороший мастер делал их, потому что дни шли за днями, а они били и тикали, били и тикали—и кто знает, сколько еще времени жило в них. Но понемногу она научилась не замечать их и уже равнодушно смотрела, как муж по утрам заводит часы.

Во второй раз вскинулись они радостным боем, когда принесла она в дом своего первенца.

Васса улыбнулась, приложила кончик платка к губам...

Какое растерянное и глупое от счастья лицо было у Григория, как суетился он, как неумело держал на руках сына и с мольбой смотрел на Вассу, боясь пошевелиться, а она, донельзя счастливая, смеялась...

Васса взглянула на часы, отвернулась, приложила ладонь к сердцу—она успокаивалась.

А потом... За нахлынувшими заботами она перестала замечать часы. Да и они о себе не напоминали.

Напомнили в тот страшный день, когда она с малышом на руках стояла у порога, провожала мужа на фронт, зареванная, обессиленная от свалившегося горя. Ударили громко и радостно, словно хохоча, а когда принесли похоронку, показалось ей, что едва не затанцевали на стене. Васса вспомнила, как запустила в них подвернувшимся под руку валенком. Что-то недовольно загудело у них внутри, но часы как ни в чем не бывало продолжали тикать. И она смирилась, и уже сама продолжала заводить их тугое сердце, потому что малыша надо было кормить вовремя, потому что надо было ходить на работу. И еще множество других дел требовало точного времени.

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

Рос сын. О войне вспоминали все реже. И сын уже сам заводил их блестящим ключиком и все чаще вместе со словом «мама» говорил нетерпеливо: «Время, мама, время!»

Всю жизнь она прожила под их диктовку. Сама вот постарела, сердце большое, а они — как будто и не минуло столько лет...

Васса тяжело поднялась, принесла из кухни табурет и, с трудом поднявшись на него, протянула руки к часам. Замерла, прислушиваясь. Из комнаты сына доносился голос диктора: «Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует двенадцати часам московского времени».

Васса слушала и смотрела на часы, невольно насторожившись. Коротенькое «пи-слилось с уверенным боем часов. Бум-м! И понеслось неизвестно куда, без возврата. Бум-м! И не было в их бое злости, а полное понимание ее. Вассино, горя, и чудилось ей, что часы как бы извиняются перед ней, как бы говорят: «А что сделаешь, Васса, что сделаешь?»

Медленно, очень медленно сняла Васса со стены ключик, открыла крышку часов и осторожно завела их по-прежнему тугое сердце, чувствуя, как крепчает с каждым поворотом ключа и ее, человеческое, материнское...

полегчало

Не зря в народе говорят: «Не бойся ветерка осеннего, а бойся солнышка весеннего». Сбегала Ефросинья утром, как была, в сарафане, легкой кофточке, до магазина. И утро-то было ласковое: небо чистое, солнца что воздуху, да и бегала-то совсем ничего, вот он, магазин-то — через дорогу, а занемогла. Поначалу в жар кинуло, потом зазнобило. Думала, что пронесет, не привыкла болеть, а если болела, то про себя, по-женски, стараясь домашними хлопотами болезнью вылечить. А тут не помогло — то ли годы свое взяли, то ли болезнь уж больно крепко в тело впиалась и, как ни крепилась, стараясь дождаться с работы мужа своего, Прокла, работавшего слесарем в гараже, чтоб, как и положено жене, накормить-напоить, — слегла. Думала полежать просто, с силами собраться, а встать не смогла. Голову с подушки приподняла — в глазах темно, и слабость по всему телу...

— Вот напасть-то, — прошептала она. — Неужто и впрямь заболела? Что Прокл-то скажет?.. Поди, усталый придет, голодный, а я лежнем лежу...

Что уж там скрывать, побаивалась Ефросинья мужа, а за что — и не знала. То ли за то, что слово ласковое от него два раза в жизни слышала: в день свадьбы да когда сына родила. Уж и веру в его любовь потеряла: какая любовь без ласкового слова?! Хотя руки на нее никогда не поднимал и словом обидным не обижал — так ведь и поругать не поругает и похвалить не похвалит, словно и не нужна она ему совсем, а живет он с ней просто так, по надобности...

Так и встретила мужа, лежа в кровати, укрывшись теплым одеялом. Сердцем слышала, как тяжело прошагал он по ступенькам, как бурча что-то, раздевался в сенях, и, лишь только отворилась дверь в избу, жалобно сказала:

— Заболела я, Проклушка. Я уж крепилась, крепилась...

Прокл какое-то мгновение пристально смотрел на нее, затем, кашлянув в кулак, грубовато спросил:

— Что болит-то?

— Ломит всю. То жарко, то холодно... Простыла я, видать, — прошептала она, обливаясь схваченные жаром губы.

— Ломит, — пробурчал Прокл, — небось, обратно по улице в одном сарафане.

— Да я ж скорехонько. За солью только, — заправдывалась Ефросинья.

— Скорехонько, — угромо перебил ее Прокл, пойдя к кровати. — Молодуха мне нашлась.

— Ты бы уж не ругал меня, — жалобно попросила она.

— Тебя не ругать, тебя бить надо, — буркнул Прокл, положив ладонь на ее лоб. — Нашлепать так, чтоб всю жизнь помнила.

От прикосновения мужниной руки у Ефросиньи ласково и радостно ойкнуло сердце, и она, взглянув на него, слабо улыбнулась.

— Да когда ж ты на меня руку-то поднимал? Вот что на руках носил, помню.

— Не то, что надо, помнишь, — убирая руку, рассердился Прокл. — Носил... Где варенье-то? Носил, — еще раз сердито проворчал он, накладывая в кружку густое малиновое варенье. — Понесешь тут, — продолжал ворчать он, не глядя на нее. — Все бабы как бабы, а ей, видишь, приспичило на деланке рожать. Подождать не могла, покуда домой придет... А ну, укройся! Ну!

— Жарко мне.

— Жар костей не ломит... На-ко вот, выпей, — сердито сказал он, одной рукой приподнимая ее, а другой поднося ко рту кружку. — Да не спеши ты, не отнимут. Во-о. Ну как? Полегчало?

— Полегчало, — выдохнула Ефросинья, хотя ей совсем даже не полегчало.

— Еще б не полегчало. Должно полегчать, — довольным голосом сказал Прокл, возвращаясь к столу.

— Сам-то покушай. Что ты все обо мне да обо мне. С работы ведь пришел. Голоден, — забеспокоилась Ефросинья.

— Успеется, — усаживаясь на табурет, отозвался Прокл. — Ученые вон говорят, что ужин человеку совсем даже без надобности. От него, говорят, ничего, окромя вреда, нету. А ты лежи. Ишь, разговорилась... Лежи выздоравливай, выздоравливай, раз заболела.

От его воркотни ей стало так хорошо и легко, словно в день свадьбы.

— А ты постарел у меня, Проклушка, — ласково сказала она. — Вон морщин-то сколько.

— Зато ты у меня просто красавица писаная, — развел руками Прокл. — Постарел.

Не постареешь тут, ежели года бегут. Бегут, ну прямо спортсмены. Ну, и ладно. — Он резко махнул рукой. — Пускай себе бегут, ежели остановиться не могут, а мы кушать будем...

Ефросинья смотрела и не могла насмотреться, как он неуклюже, по-мужски, наливает из чугунка в тарелку борщ, и поймала себя на том, что его неловкие движения доставляют ей удовольствие. «Какой он у меня», — подумала она и хотела найти сравнение, но не смогла.

— А борщик ничего, — сказал Прокл, глядя в тарелку. Ефросинья вздохнула. Ей хотелось спросить, почему он никогда раньше не говорил ей этих таких простых, но таких нужных ей слов, но не спросила.

— Сыну-то отписать, что заболела? — спросил Прокл. — Аль не надо?

— Да я ж выздоровела. Я ж уже здорова. — Ефросинья сделала попытку встать.

— Лежи... Ишь... Боевая... Выздоровела. А глаза-то, словно кто туман напустил, — сердито сказал Прокл и, помолчав: — Ладно уж, не отпишу, а вот ежели еще раз себя молодухой покажешь...

Замолчали. Тикали часы. За окном в соседнем дворе веселилась малышня, и было слышно, как сладко причмокивала у завалины капель.

— Потная я вся...

— А-а.

Прокл тяжело поднялся, подошел к комоду. Потрогал ручку одного ящика, другого.

— Да в верхнем, в верхнем. Ничего не знает.

— А почто мне знать-то? — бурчал Прокл, роясь в белье. — Ишь барахла-то. Наволочек одних поди десять штук. Куда их?

— Так для жизни, — робко ответила Ефросинья.

— Для жизни. Для жизни и четырех штук хватит. Постирала да снова надела.

Прокл достал простыню, подошел к кровати, постоял и решительно подsunул под Ефросинью руку.

— Проклушка! Да ты что, ошалел, — слабо запротестовала Ефросинья. — Надорвешься же... Я ж тяжелая.

— Поди, не тяжелей, чем в свадьбу, — буркнул Прокл.

Ефросинья невольно обняла его за шею, прижалась лицом к его небритой щеке и замерла. Прокл бережно, словно уснувшего ребенка, положил ее на соседнюю кровать, на которой спал он, и с сосредоточенным видом стал менять простыню, покашливая, пряча лицо.

Лежа на прохладной простыне, Ефросинья закрыла глаза и сквозь подступающий сон слышала:

— Носил... Ишь чего вспомнила... Вас на руках носить, так быстро на шею взгромоздилось. Знаю я вас...

Она ощутила прохладное, ласковое прикосновение его ладони ко лбу и прошептала умиротворенно:

— Полегчало...

Ефросинья заснула и не слышала, как Прокл несколько раз поправлял на ней одеяло, как долго стоял у окна и задумчиво смотрел на уходящее солнце, как осторожно, поглядывая на нее, поднял гирьку часов, как лег, не раздеваясь, лицом к ней, чутко прислушиваясь к ее дыханию...

СОЛЬ

В деревне я направился к избе, что стояла поодаль от дороги. Отворил калитку с прибитым к ней голубым почтовым ящиком и по утоптанной тропинке зашагал к невысокому крыльцу. Замка на двери не было. Я постучал, прислушался и постучал вновь. Не дождавись ответа, толкнул дверь и вошел в сени.

Следующая дверь распахнута настежь. В сенях было прохладно и тихо. Я кашлянул. Занавески на дверях раздвинулись, и появился высокий, плотно сбитый старик. В руках он держал лоскут белой материи, иголку и нитки. Я поздоровался. Он ответил и, подслеповато щурясь, стал меня разглядывать. Я сказал, что мы с товарищем забыли дома соль, и не сможет ли он дать нам ее немного.

Старик потер ладонью небритый подбородок и ответил, что он с большой бы охотой, да старуха ушла в магазин, а он в ее делах не разбирается и понятия не имеет, где лежит эта соль. Затем предложил дожидаться старуху. Я согласился и прошел следом за ним. Комната была большой и полной солнца. На столе лежала солдатская гимнастерка со множеством поблескивающих медалей.

— Вот, воротничок подшить надобно,—проговорил старик, усаживаясь на стул.—Дело мужское, старухе не доверяю. Да глазами я под старость слаб стал.

— Ваша гимнастерка?—поинтересовался я, усаживаясь напротив.
— Сына,—охотно ответил старик. И, протягивая мне иголку с ниткой, попросил:—Подсоби, сынок.

Я вдел нитку и протянул иголку старику. Он взял со стола гимнастерку. Медали мелодично звякнули, сверкнули и улеглись на его коленях.

— Разрешите?—попросил я, глядя на его неумелые движения.—Мне привычно. Он охотно протянул гимнастерку. Прежде чем пришивать подворотничок, я потрогал медали. Они были прохладные и тяжелые.

— Друзья с фронта прислали,—ревниво глядя на то, как я управляюсь, проговорил старик,—как раз перед победой прислали. И письмецо. Дескать, так и так, Иван Митрофанович, пропал ваш сын без вести. Ушел в разведку—и пропал. А я так понимаю, сын-то мой множество разных языков знал. Послали его, куда нам знать не положено. А как же! Вот на прошлой неделе переводчик получил. Поздравление, а подписи никакой, потому как не положено. Нужен он Родине, сынок-то мой. Я и старухе своей это же говорю. Да...

Я пришил подворотничок и стал вновь перебирать медали. Солнце светило мне сбоку, и под одной из них я увидел маленькую, аккуратно залатанную дырочку. Я взглянул на старика. Он смотрел на меня, улыбаясь.

— Завидуешь?—спросил он.
— Завидую,—ответил я, возвращая гимнастерку.

Ждать дольше не было времени, и я стал прощаться. Старик нашел-таки соль, высыпал мне все, что было в солонке, и я вышел из избы. Когда мне пришло время сворачивать с дороги на тропинку, я оглянулся. Дедова изба крепко стояла на теплой земле, на серой калитке четко выделялся голубой почтовый ящик. И маленький кулечек соли вдруг показался мне необыкновенно тяжелым.

МАМА

В один из вечеров я зашел к другу. Устроившись на диване, мы стали говорить о разном. Неожиданно дверь в комнату отворилась и на пороге появился сынишка моего друга. Он плакал и повторял: «Мама, мама...»

— Нет мамы,—вставая с дивана, произнес друг,—мама на работе. Что там у тебя случилось? Упал? Сам? Значит, и реветь нечего.—Он вытер сынишке слезы:—Ну, иди, гуляй!

Когда сынишка ушел, друг обиженно произнес:
— Вот так всегда! Все мама да мама. Знаешь, порой обидно становится. Словно я люблю его меньше жены. Словно мы, отцы, только для того, чтобы наказывать. Уж игрушки покупаешь, ласкаешь. Как думаешь, отчего так?

Я пожал плечами и сказал, что, очевидно, если б в семье не было матери, то сынишка определенно звал бы отца.
— Это точно,—согласился друг.—Вот я, к примеру, вырос без матери. И, насколько помню, всегда звал отца.

Я уже собрался уходить, когда вернулась с работы его жена. И как по мановению волшебной палочки, появился их сынишка. Он подбежал к матери, стал объяснять, что с ним приключилось: как он упал, как ему было больно, как он плакал. Мать погладила его по голове, подула на ушибленную руку, поцеловала. Друг, насупившись, смотрел на них, затем пробубнил:
— Вот, развели нежности...

Спустя некоторое время на работе друг упал со строительных лесов. Мы подняли его, отнесли в бытовку, вызвали «скорую». Он бредил и повторял только одно слово: «Мама».

ЮРКА

Юрка проснулся и открыл глаза. Под ватным одеялом тепло, а в темноте, далеко в ногах, виднелась крапинка света. Юрка прислушался, осторожно приподнял край одеяла. Дверь в комнату была открыта, и он увидел отца. Отец сидел за письменным столом, спиной к нему, и что-то быстро писал. У стула, на полу, лежали скомканные листки бумаги. Юрка долго смотрел на коротко подстриженные волосы отца, на бледно-розовую полоску шрама под левой лопаткой, который, как говорила мама, остался у него от финской войны. Юрка чуть слышно вздохнул. Ему очень хотелось сделать так, как всегда делала мама, если отцу было плохо или он сердился: подойти, обнять за шею и сказать на ухо те, наверно, самые лучшие слова на свете, после которых отец уже совсем даже не сердился, а просто шуточно ворчал. Но Юрка этих хороших слов не знал, спросить их у мамы он почему-то раньше не догадался, а сейчас спросить не у кого, потому что мама умерла. Правда, один раз, когда отец снова пришел домой хмурый и неразговорчивый, Юрка тихо попросил:

— Папа, будь веселым, пожалуйста.
— Веселым?—Отец горько усмехнулся.—А с какой радости?

Юрке очень хотелось рассказать, как он целый день ждет его, как ему пусто в квартире, а по вечерам страшно. Хотелось рассказать, как он тогда сидит у печки, смотрит на огонь, как много раз подогревает суп, который покупает в столовой. Сказать, как хочется уткнуться лицом в его холодное пальто и просто так постоять, и чтобы отец погладил его по голове и пожалел—как мама, и еще... Но отец смотрел в окно, и Юрка тихонько отошел.

А потом в один из вечеров отец пришел с работы веселым. Юрка сидел у печки на опрокинутом набок табурете и колотил кочергой по головешке, похожей на кукурузный початок. В прихожей было темно и тепло. Шаги отца он услышал еще на первом этаже. Они были быстрые, легкие, и он даже не успел закрыть дверцу печки, как дверь распахнулась и вошел отец. От него вкусно пахло морозом, табаком.

— Привет, Юрий Васильевич!—весело воскликнул он.—Почему не спишь?! Почему нет света?! Печку топим—хорошо! А ну, держи!—И отец достал из кармана красное, крепкое и холодное, словно туго слеппенный снежок, яблоко. И раздеваться стал охотно, не так, как раньше...

После того вечера отец стал приходить всегда в хорошем настроении, курить стал меньше, но приходил так поздно, что Юрка уже спал. По выходным они ходили в кино. Отец покупал мороженое, лимонад. Юрке было радостно и тревожно одновременно. Он несколько раз хотел спросить у отца, почему тот теперь такой веселый, но не спросил.

Об этом Юрка узнал позже, в один из выходных дней. Они пошли в центр города другой дорогой, дальней, по улице, на которой Юрка никогда не был.

— А вот здесь живет хороший человек,—сказал отец и показал на двухэтажный, окрашенный в бледно-зеленый цвет дом.

— Хороший?—Юрка удивленно посмотрел на отца.—А ты откуда знаешь?
— Да уж знаю,—рассмеялся отец.—Подожди немного, я вас познакомлю...

А вот вчера отец вернулся раньше обычного и хмурый. Медленно, словно жалея, что пришел, разделся и, даже не попив чаю, лег.

Юрка слышал, как отец долго ворочался, курил, подходил к окну... «Поссорились»,—подумал Юрка, и на душе у него стало так плохо, что он чуть не расплакался.

Потом он услышал звук отодвигаемого стула, шаги.
— Юра? Ты спишь?—негромко спросил отец.

Юрка затаил дыхание. Отец тяжело вздохнул и ушел на кухню. Послышался шум льющейся воды, звяканье стаканов.

Когда утром Юрка вошел в кухню, отец, сидя на корточках перед ведром, чистил картошку. Кожа у него получалась толстая и короткая, не такая, как у мамы—тонкая и длинная. На плите стоял бак. «Стирать будет»,—подумал Юрка.

Отец стирал раз в две недели. Ставил у плиты табурет, на табурет ванну, брал стиральную доску. Стирал он как-то неуклюже, но быстрее мамы, и очень уставал. Один раз после стирки он долго смотрел на свои красные, в трещинах руки, потом сказал: «Как маме доставалось, а?..»

— Выспался?—спросил отец, мельком взглянув на него.
Юрка кивнул.

— Умывайся и садись пить чай.
За чаем молчали. Отец смотрел в окно. Окно было разрисовано морозом и казалось розовым. В квартире было тихо, лишь дрова в плите сухо потрескивали.

— Юра, ты помнишь тот дом?—тихо спросил отец, когда Юрка собрался выйти из-за стола.
— В котором хороший человек живет?—быстро спросил Юрка.

— Да.
— Конечно, помню. А что?

Отец побарабанил пальцами по столу, глухо сказал:
— Я тут, Юра, записку написал. Так ты отнеси ее. Хорошо? И ответа дождись.

Юрка кивнул.
— Так ты сейчас и иди,—засуетился отец.—Оденься и иди. А я пока постираю.

Только ты уж побыстрее, я ждать буду. Она живет на втором этаже, квартира восемь. Зовут тетей Галей. Запомнил?

...На улице холодно. Солнце оранжевое, а снег чуть розовый, усыпанный тенями.

Юрка, сжимая в кармане записку, медленно шел по улице, пиная комки снега.

Дом он нашел быстро. В подъезде противно пахло нафталином. По крутой, давно не мытой лестнице поднялся на второй этаж. Дверь с большой желтой цифрой «8», нарисованной на черном дерматине, была в самом конце коридора. Юрка прислушался. За дверью слышались голоса. Вздохнул и, приподнявшись на цыпочки, позвонил. Раздалась мягкие, быстрые шаги. Жестко клацнул ключ, и на пороге появилась высокая остроликая женщина. Она удивленно посмотрела на него.

— Мне тетю Галю,—робко сказал Юрка.
— Ну, я тетя Галя,—сухо обронила женщина.—Чего тебе?

— Галина?! Кто там?—раздался из глубины квартиры мужской голос.
— Не твоё дело. Пришел, так сиди,—жестко сказала женщина и прикрыла дверь.

— Папа вам велел передать,—тихо сказал Юрка, протягивая записку.
— А-а, так, значит, ты и есть Юрка,—лениво протянула она.

Прочитав записку и скомкав ее, небрежно сунула в карман яркого шуршащего платья.

— Ты вот что, Юра. Передай своему отцу, что все. Понял?
Она пристально посмотрела, и Юрка увидел, что глаза у нее маленькие и холодные, как у вороны.

— Ты в каком классе учишься?
— В пятом.

— Тогда запомнишь. Это же просто. Скажи: все. На, держи!—Она достала из кармана яблоко. Оно было красное и такое же крепкое, как и то, что приносил отец.

— Так не забудь,—еще раз сказала она и скрылась за дверью.
— А-а,—услышал Юрка ее голос.—Ошиблись адресом...

Юрка постоял и вышел на улицу.

Слово «все» показалось Юрке круглым, холодным и крепким, как туго скатанный снежок. Он представил, как сейчас отец трет белье о стиральную доску, какие у него красные руки и что он ждет его, чтобы быть веселым. А Юрка придет и скажет: все!

Юрка старался и не мог понять, что кроется за этим словом.

«Хороший человек» Юрке не понравился. «Плохая ягода. Этот хороший человек,—думал он, шагая к дому.—Но ведь с ней папа дружит, а не я».

Юрка достал из кармана яблоко и, широко размахнувшись, бросил. Яблоко, описав дугу, с глухим стуком ударилось о дорогу и рассыпалось на множество красных осколков. Они были очень яркими на белом снегу. Юрка стоял и смотрел на них, думая о чем-то...

Дверь отец открыл сразу же, едва Юрка подошел к ней.
— Ну что?—торопливо спросил он, не отводя глаз.

— Она не написала,—сказал Юрка.—Она сказала, чтоб ты не волновался, и что она...—Юрка запнулся,—что она любит тебя и скоро позвонит.

— А ты не обманываешь?!—Отец схватил Юрку за плечи.
Юрка замотал головой.

«Они еще помирятся»,—подумал он.—Неужели она не понимает, что папа так плохо без мамы...»

Конкурс одного стихотворения

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Напоминаем: в конкурсе могут принять участие все пишущие стихи авторы, не являющиеся членами Союза писателей СССР, указав фамилию, имя, отчество, возраст, профессию, домашний адрес; лучшие стихи публикуются, победители конкурса, итоги которого будут подведены в конце 1981 года, награждаются дипломами и премией «Смены»; присылать следует только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем ваших стихов.

Николай ШАШКОВ,
военнослужащий,
Псковская область

Березы

Гроза войны,
раскаты громкие...
Все это пережито вами.
Враги крестили вас осколками,
а вы их—
белыми крестами.

Леонид ТОРГАЕВ,
работник Дворца культуры
«Горняк»,
г. Белово Кемеровской
области

Игра

За школою на пустыре,
Забыв уроки, бросив книжки,
Отдавшись полностью игре,
«Войну» затеяли мальчишки...
Отвагой дерзкой обуян—
Штанишек новеньких не жалко!—
Пацан врубаются в бурьян...
Беда ль, что вместо сабли—палка?
На скакуне лихом летит,
Перед бедой не отступая.
Он белым гадам отомстит
За смерть любимого Чапая.
За рядом ряд сплеча крушит
Отважный воин-непоседа.
И враг дрожит, и враг бежит.
Была нелегкая победа!
И вот вручают «ордена»
За подвиг юному герою...
Так пусть останется война
Всего лишь детскою игрою.

Геннадий МИРОШНИЧЕНКО,
инженер,
Тула

Переезд

Переезд— всегда большое дело.
Старый домик, навсегда прощай!
Все: прощай, что нас несло и грело!
До свиданья, детства милый край!
Вы прощайте: луг в траве и кашке,
Речка, поле, в поле—колея,
Вдоль нее, разбитая на пашне,
Ручейком канавка, как змея!
Через много лет росистым утром
Я увижу позабытый луг,
Облаков свисающие кудри,
Синь простора и речных излуч.
И мгновенно эти повороты
Совпадут с уснувшими во мне.
Я шагну в открытые ворота,
Как в далеком и чудесном сне...

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
студент, Москва

Стариковская весна

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Искрящиеся в воздухе открытом
Автобусные гаснут огоньки.
И в эти дни внезапным и забытым,
Весенним детством дышат старики.
Обветренные, словно переулки,
Они такое держат тайником,
Что я и сам, вдыхая воздух гулкий,
Себя воображаю стариком.
И бесконечно длятся воскресенья,
Между которыми уходят старики,
Как в сумеречном воздухе весеннем
Автобусные гаснут огоньки.

Николай НЫРОВ,
инструктор облисполкома,
Винница

Гармони

Бежит, бежит в село дорожка
через поля, где синий лен...
Ах, эта звонкая гармошка,
печаль и радость всех времен!
Бывало, чуб крутя небрежно,
к мехам склонялся гармонист
и вел и бережно и нежно
напев, что был душою чист...
Они прощались на светанье,
и кто бы знать, кто думать мог,
что завтра— новое прощанье,
не у тропинок— у дорог.
И будет ждать его девочка
с войны домой все тридцать лет...
Гармонь, забористая «хромка»,
ты есть, хозяйина лишь нет.
Гармонь, гармонь...
Ничьи ладони
лады не трогали твои.
Ах, эти звонкие гармони!
И верность вечная любви!

Леонид ПОПОВ,
инженер-геолог,
Костромская область

Сквозит речушка через частый лес
Под скудной синью северных небес,
Светлоголоса, сбивчива, негромка.
Горят еловых шишек янтари.
А в колкой хвое— уголья зари,
Редует свет, и близятся потемки.
Грядет ночная, зябкая пора.
И говорунья молкнет до утра,
Когда, привычно спросясь с ночью,
Под первый, пробный, робкий птичий крик
От сна очнется крохотный родник,
Качнется лес, и речка забормочет,
Скользнет проворно через чистый лес,
И колыхнет багряный край небес...

Игорь БЕХТЕРЕВ

Здесь все жило:
Ступеньки пели,
А двери ласково скрипели,
И по расшатанным перилам
Скользила юная заря,
Росой и брызгами горя.
Крыльцо протяжно голосило,
Когда с наполненным ведром
Я подымался в отчий дом...

С узорной тенью на лице
От довоенного забора
Ты появлялась на крыльце
И замирала от простора.
Легко смотрелось в те года!..
Тогда над крышами цветными,
Садами, трубами печными
Чернели только провода;
И голубятники на крышах,
Забыв на время птиц своих,
Свистели в радости, что выше
Нет ничего, что выше их,
Что воздух свеж, и прян, и тонок,
А город в кружеве дорог
Лежит доверчиво у ног,
Как теплый, ласковый котенок...

Северная деревня

Там, у моря, за тайгою—
Стоп! Деревня! Передых!—
Перед каждою избою
Восемь лаек ездовых.

Ай вы, лайки-пустолайки!
Чем же вам не нравлюсь я?
Сердобольные хозяйки,
Заступитесь за меня!

— Извиняюсь, не местный?
— Нет. Однако не чужой.
— Экспедиционер? Интересно б
Побеседовать с тобой...

Все мне кажется знакомым,
Все как будто узнаю,
Словно вновь вернулся к дому,
Заскучав в чужом краю:

Море в мелкую полоску,
Сети сохнут на горе,
Бочки, карбасы и доски
На хозяйственном дворе...

Пусть несхожая работа,
В теплом городе мой дом,
Всем нам вкус и запах пота
Одинаково знаком!

Случай в приуральском городке

Я помню, в городе дремотном,
Убитом пылью и жарой,
Одну из труб водопроводных
Прорвало вдруг— из мостовой
Забил источник. Отовсюду
К нему сбегались словно к чуду
Дворов окрестных пацаны
И лезли вглубь, задрвав штаны...

Вначале холод родниковый,
Кипенья трепетных ключей,
Потом разлив, потоп и новый.
Рожденный только что ручей.

Когда скатился он к Уралу,
С ним вместе к морю торопясь,
Границ и времени не стало,
Но стала так заметна связь
Меж этим городом дремотным,
Убитым пылью и жарой,
И океанскою, холодной,
Просторно дышащей волной!

Ты замирала... Не привыкнуть
Смотреть и видеть белый свет!
И мне тебе хотелось крикнуть:
«Останься так на много лет!»
Но— не осталась.
Не остались...
В свои законные года
Мы вышли в жизнь— и растерялись,
И потерялись навсегда.
И в невозможном далеке
Мне снишься ты, как старый город—
С узорной тенью на щеке
От довоенного забора.

Рисунки Вениамина КОСТИЦЫНА

Последние белые ночи

Последние белые ночи,
Бессонные ночи мои!
Смешал, перепутал, просрочил
Закаты, восходы и дни.

Но мысли просторны и ясны,
Как свет над моей головой.
И тьма надо мною не властна,
И лес не пугает ночной.

Не помню я вещей тревоги,
Не вижу я вещи сны,
Пока предо мною дороги,
Как белые ночи, ясны...

День был и свеж и прозрачен,
И на студеной заре
Сосны и старые дачи
В золоте и серебре.

Воздух, стальной и упругий,
Между стволами стоит.
Каждое слово разлуки
Долго и чисто звенит.

Художник
С. М. МУРАДЯН

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК МИША

Педагогика многолика: она может быть и наукой, и профессией, и заработком. Для ТиВи — это призвание и искусство.

Кстати, один из ее главных педагогических принципов: «Нужно жить по законам искусства».

ТиВи сказала:

— Сегодня в Москву приехал Миша. Это удивительный мальчик.

— Надо бы повидаться, — сказал я без энтузиазма.

Дело в том, что я с детства не люблю удивительных мальчиков. Ничего хорошего в жизни они мне не сделали, а вот плохое — бывало. Хотя бы то, что их постоянно ставили мне в пример.

Удивительные мальчики никогда не нарушали дисциплину, не опаздывали, не перечили старшим — мне же эти гражданские подвиги всегда были не по плечу. Удивительный соседский мальчик был с помпой принят в музыкальную школу, а я с еще большей помпой провалился. Словом, удивительные мальчики всячески развивали во мне чувство удивительной неполноценности, за что я не мог их благодарить...

А теперь удивительный мальчик приехал в Москву.

И вот он сидит передо мной, сидит и разочаровывает меня своим внешним видом и манерой поведения. Невысок, коренаст и, видимо, достаточно крепок — всю зиму ходит в осенней курточке. Вежлив. Доброжелателен. С готовностью отвечает на любые вопросы. Не удивляет.

В области светской беседы я не специалист. Но тут напрягся, стараюсь.

— Ты где учишься?

— В институте связи.

— Ну и как — нравится?

— Да очень.

— А почему пошел именно туда?

Миша рассказывает. Когда учился в десятом классе, к ним в школу пришли трое студентов из этого института, занимались с желающими физикой. Ребята были развитые, интересные. Решил, что в этом институте все такие.

Я уточняю:

— Значит, пошел не на профессию, а на людей?

— Да, в общем, так.

— А вдруг потом разочаруешься в специальности? Не понравится — что тогда? Профессия, она ведь надолго.

— Этого я как раз не боюсь, — с вежливой улыбкой возражает Миша, — понравится.

— Почему ты так уверен?

— А мне любая работа понравится.

Я снисходительно усмехаюсь.

— Любая? Ну, а, например, на конвейере? Пять однотипных движений — и так изо дня в день?

— С удовольствием буду работать, — говорит Миша. — У такой монотонности свои достоинства. Вот мы в колхозе собирали помидоры. Продвигавшись вперед на четвереньках — и всего три движения: рука вниз, рука вверх, рука в корзину. Так вот я не помню времени, когда бы мне так хорошо, так продуктивно думалось.

И поясняет:

— Когда выполняешь однообразные движения, наступает что-то вроде медитации.

Слова-то какие знает!

Чтобы осмыслить услышанное, выгадываю время, задаю нейтральный вопрос:

— А в клубе у вас ребята хорошие?

Он — от всей души:

— Замечательные!

— Все?

Короткое раздумье.

— В общем, все.

— Ни одного плохого?

Пожимает плечами.

— Наверное, в клуб попадают и плохие. Но не остаются, уходят.

Ну да — ведь открытая система, поток...

На всякий случай и его спрашиваю:

— А чем ваш клуб отличается от прочих компаний? Драмкружков, например? Литобъединений? Или, допустим, тех же преферансистов? Тоже ведь собираются, чай пьют, беседуют. При случае помогут.

На низменное сравнение Миша не обижается. Задумывается — буквально на мгновение, он вообще думает быстро.

— Клуб, — говорит, — это семья. Помогут, конечно, в любой компании. Но там тебя принимают, пока ты выполняешь условия компании. Сделаешь что-нибудь плохое — не простят. А в клубе, как в семье, простят все.

— И подлость?

Побледнел, но отвечает твердо.

— И подлость?

При слове «семья» нечто во мне дрогнуло — вспомнилась другая история, другая компания. Но про другую — в другой раз. Сейчас мне Миша интересен.

— Слушай, — говорю, — а как у вас решаются

Статья третья

НЕ РОЖДАЮТСЯ

На следующую ночь повторилось то же самое. Она вновь спросила:

— Кто это?

И он снова ответил:

— Я!

Девушка опять не открыла. На третью ночь юноша в третий раз постучал в дверь. И в третий раз услышал вопрос:

— Кто это?

Тогда он ответил:

— Я — это ты!

И дверь открылась...

«Неинтересных людей не бывает. В вашем классе наверняка есть незаметные мальчики и девочки, которые таят в себе целый мир. Вы сами виноваты, что этого не знаете. А они раскроются где-нибудь в другом месте...»

«Существует старинная арабская поговорка: нет ничего проще, чем завоевать любовь, и нет ничего труднее, чем ее удержать...»

«У Чюрлениса есть замечательная картина: человек идет к другу и несет в руках солнце. Видите, как трудно передать другому человеку счастье? А вот несчастье легко: пришел на танцы кто-нибудь в плохом настроении, зеленый, как огурец, и через пятнадцать минут все вокруг позеленело...»

«Арабы считали, что любящий должен знать семь искусств: музыку, живопись, архитектуру, танец, пение, скульптуру и искусство тела. Но это совсем немного. В Древней Индии существовали жрицы любви, которые обязаны были изучить шестьдесят семь искусств, в том числе сценическое движение и плетение венков. А один индийский мудрец написал 234 трактата о любви! О чем они? Например, о том, чем при знакомстве юноша может обидеть девушку, а девушка юношу... Вот так люди готовились к любви. А теперь многим из нас кажется, что вполне достаточно сказать: «Ты мне нравишься...»

«Никогда нельзя кричать на человека, хотя бы потому, что это бесполезно. В подростковом возрасте человек просто не воспринимает крик. С восемнадцати лет девушка его уже слышит. А юноша или

мужчина не слышит крик до конца своих дней. С ними нужно говорить только спокойно...»

«При рождении каждый из нас получает две самых важных в жизни вещи: любовь родителей и культуру предшествующих поколений. Но нужно еще суметь это богатство взять. Те, кто не умеет, к тридцати годам становятся угрюмыми и завистливыми, их раздражает даже вид счастливых людей...»

«Закрытая, замкнутая семья не бывает счастливой. Двое становятся счастливыми, когда у них возникает содружество в познании мира...»

«Литовские социологи провели исследование: какие качества больше всего ценит молодежь в человеке противоположного пола? Девушки в юношах на первое место поставили чувство юмора, на второе — нежность. Юноши в девушках поставили нежность на первое место...»

«Формула настоящей любви: как хорошо, что ты есть на этой земле...»

«Безответная любовь, как и разделенная, — счастье. Она учит видеть и понимать человека, нюансы его настроений. Это школа любви. Это акварель, которая навсегда остается в музее нашей жизни...»

Как подействовала лекция ТиВи на ребят? В общем, сильно — напряжение в зале не спало два часа, хотя день был весенний, солнечный и жизнь за окнами школы была весьма и весьма привлекательна. Но вот чем подействовала?

Никаких конкретных указаний — то есть того, что так ценится в наш практический век, — ТиВи не давала. Логической лесенки не выстраивала. Но тем не менее...

Мне кажется, дело вот в чем. Даже самого четкого, самого точного проекта мало, чтобы построить дом. Нужны еще и строительные материалы: кирпич, дерево, стекло. Если требуется — гранит, мрамор.

Так вот, ТиВи разложила перед ребятами целые груды великолепного, высшего качества строительного материала. Как им воспользоваться — это, наверное, не только за день, и за год не сообразишь. Но одно, мне кажется, ребята поняли: такое дерево, такой гранит, такой мрамор не для времянок.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены»

«Мы не видели их до последней секунды. Когда смолкла стрельба, услышали рев двигателей где-то слева. Впереди оставались неподдающимися несколько огневых точек «южных». А нашему танковому батальону скоро предстояло начать атаку. И тут вдруг они взвились над лесом, быстро, как птицы. Зависли над землей метрах в пятидесяти. Потом мы увидели длинные огненные струи, протянувшиеся от вертолетов к позициям противника. Там сразу вырос черный вал взрывов, под нами дрогнула земля. А вертолетов уже не было, они куда-то исчезли. Мы пошли в атаку. И когда вышли к позициям «южных», увидели только горящую землю и остатки исковерканных мишеней».

Из рассказа командира
танковой роты
капитана КАЛЮЖНОГО

КОМАНДИР ОТЛИЧНОЙ
ЭСКАДРИЛЬИ ВЕРТОЛЕТОВ
ОГНЕВОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПОДПОЛКОВНИК
БОРИС АРКАДЬЕВИЧ ЕЛИСЕЕВ.

НЕЗАДОЛГО ДО ВЗЛЕТА.

ВЫИГРАТЬ С

У каждой победы есть нравственные истоки. Это воля, мужество, дерзость, убежденность военных людей. И их боевое мастерство. Да, умение воевать — тоже нравственная категория. Потому что безукоризненно владеть доверенным ему оружием может только бесконечно преданный своему долгу человек. Именно в этом случае он доводит мощь своего оружия до высочайших пределов.

В дни решающих поединков учений «Запад-81» мы были рядом с такими людьми. Так появились записки о вертолетной эскадрилье.

ВЕЧЕРОМ, НАКАНУНЕ...

Обстановка: «Северные» и «Южные» завершают перегруппировку войск, перебазирование авиации, инженерное оборудование занимаемых рубежей. Обе стороны ведут активную наземную и воздушную разведку. На некоторых участках завязываются бои местного значения между передовыми подразделениями «северных» и «южных»...

Уже начинало темнеть, когда последняя пара вертолетов огневой поддерж-

НАД ПОЛЕМ БОЯ.

«ВАМ ПРЕДСТОИТ...»

выбирает военный человек сам, полагаясь на свой опыт, профессиональную и нравственную подготовленность тех, кого он ведет за собой. Воевать, стартуя завтра с полевого аэродрома, удобнее во всех отношениях, да и экономия горючего выйдет немалая.

— Мы готовы лететь, товарищ полковник, — сказал Елисеев.

...Ночевать предстояло рядом с полевым аэродромом в пионерлагере. Впрочем, какой там ночлег, до подъема оставалось 6 часов. Еще раз обговорили время вылета каждого экипажа, маршрут, боевую задачу на завтра, только тогда отправились в лагерь. Он располагался на берегу озера, в глубине яблоневого сада. Ах, какие там были яблоки, краснобокие, крупные, еще мокрые от недавнего дождя. И только было разлетелась эскадрилья на эти яблоки, как вдруг кто-то, по-моему, Евгений Еремин, крикнул:

— Ребята, сюда.

За невысокой свежеевыкрашенной чугунной оградой возле здания бывшей сельской школы стоял приземистый красный обелиск. На нем белела надпись: «Учителям и учащимся, погибшим

в боях с фашистскими захватчиками». Разговоры стихли сами собой. Кто-то начал было читать фамилии на обелиске, но было уже темно, и мелкие буквы разбираться плохо.

Им никто не приказывал, эскадрилья построилась сама, прямо здесь же, у чугунной ограды.

Молчание нарушил лейтенант Еремин:

— Партизанский край. В каждом селе — памятник, а то и два. Бывает, что и села нет, а обелиск стоит. Белоруссия.

Когда разошлись, за яблоками так никто и не собрался. Посидели на берегу озера, погадали насчет завтрашней погоды, и уже встали было, чтобы идти спать. Но тут Елисеева догнал капитан Юрий Пушков.

— Танкисты пришли, они тут рядом стоят в лесу, познакомиться хотят... Занятные парни. Особенно капитан один. «Это, — говорит, — вы своих крокодилов рядом с озером посадили? Они у вас как, только с виду такие страшные или и кусаться умеют?»

ЗАРЯЖАНИЕ ПО-БОЕВОМУ.

ВОИ БОИ

ки эскадрильи подполковника Елисеева села на полевой аэродром. Казалось чудом, что, почти час идя в сплошной облачности, обходя грозные зоны, они приземлились в точно назначенное время.

Это был тот самый случай, когда никто в вышестоящих штабах не настаивал на перелете, эскадрилья могла завтра работать и из глубины, с места основного базирования. Тем более, что боевые маршруты были составлены с учетом вылета именно с тылового аэродрома. Но одновременно просчитывался и другой вариант: накануне наступления перебросить эскадрилью на полевой аэродром — вплотную к линии фронта, тогда у вертолетчиков появилась бы возможность почти неограниченного маневра. И вдруг облачность и туман накрыли все пространство на многие десятки километров. Елисеева вызвали в штаб. Полковник расстелил перед ним карту погоды.

— Смотри внимательно, пробьешься или нет?

Елисеев снял фуражку, склонился над картой. За почти полтора десятка лет, что он провел на военных аэродромах и в воздухе, ему не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда именно от его решения зависел дальнейший ход событий. Ибо приказ — это, как правило, только цель, а путь к этой цели

МАСКИРОВКА НЕОБХОДИМА!

РЕДКИЕ МИНУТЫ ОТДЫХА.

Увидев Елисеева, танкисты, человек пять, вскочили с поваленного бревна, вытянулись.

— Товарищ подполковник, делегация гвардейского танкового батальона приветствует представителей винтокрылой авиации... — Высокий светлосый капитан лихо отбросил правую ладонь от шлема.

— Завтра вместе в бой, так, что ли.

— Вы в небе, товарищ подполковник, вам легче, простору больше.

«Знал бы он, — подумал Елисеев, — что такое военное небо, где про-

странство для маневра ограничено считанными метрами — сверху давит сверхзвуковая авиация, слева и справа свои собственные вертолеты, а внизу вот она — земля, чуть отдай ручку и зацепишься».

Он не стал объяснять это танкисту, только заметил, что у каждого свои проблемы.

— А насчет умения кусаться завтра поглядим, а?

— Шутка, товарищ подполковник, я свою роту под прикрытием вертолетов не в первую атаку поведу. Отлично работаете.

Они познакомились. Танковая рота капитана Калужного пойдет на острие наступления, следом за артоподготовкой. В подразделениях только что прошли комсомольские собрания, разговор велся о завтрашнем бое. Ребята настроены воевать на «отлично». Но не все зависит от самих танкистов, как еще работает артиллерия, авиация, вертолеты огневой поддержки? Как? Елисеев мог бы ответить капитану, что его эскадрилья напряженно занимается боевой учебой, что летчики тщательно отрабатывали маневр за маневром, что сделано и предусмотрено, казалось бы, все. Мог бы, но промолчал. Бой есть бой. Невозможно предусмотреть бесчисленное множество внезапных обстоятельств, которые возникают в бою непрерывно.

Подполковник встал, улыбнулся.
— Ты лучше скажи нам, Калужный, как ты относишься к яблокам?

— А что? Едим.

— Покажи-ка, Пушков, танкистам, где тут яблоки растут, самые красивые.

АТАКА С ХОДУ

Обстановка: «Северные» в ходе наступления отражали контратаки «южных» и на ряде участков прорвали тактическую зону обороны противника...

Сорванные с земли вихрями вращающихся лопастей ключья сухой травы металась по аэродрому. Тело вертолета дрожало, готовое взметнуться в небо. Справа, слева, впереди нас ревели стартующие машины эскадрильи. В их обличье и вправду виделось что-то хищное, нет, не крокодилье, а скорее змученное, тяжелые носы-пласти, задранный короткий хвост, крылья-плавники, сходство дополняли и серо-зеленые разводы камуфляжа на бронированной кабине.

Вертолеты огневой поддержки. Они не так уж давно заняли свое место в боевых порядках отечественной винтокрылой авиации. Но заняли прочно, быстро перейдя из разряда новинок военной техники в рабочий инструмент современного боя. Защищенная прочной броней, эта машина с убирающимися шасси удивительно послушна в воздухе и маневренна. Два двигателя позволяют ей развивать высокие скорости, быстро менять режимы полета. Среди летчиков эскадрильи немало мастеров, которые выполняют на вертолете сложные фигуры высшего пилотажа. Надежные системы бортового контроля предохраняют экипаж от любого рода неожиданностей. Кабина полностью герметизирована, воздух подается через кондиционер. Панели управления в кабине расположены с учетом максимального удобства, так же как и в истребителях. Вертолет может использоваться в санитарном и транспортном вариантах...

И все же это боевой вертолет, и главная его задача — подавление огнем наземных целей противника. Это одна из наиболее вооруженных, наиболее мощных в огневом отношении машин в винтокрылой авиации. Кроме пулеметов, она несет под крыльями пакеты с реактивными снарядами, мощные ракеты. Таковы далеко не полные характеристики машины, в которой высокая

огневая мощь сочетается с маневренностью. Можно еще добавить, что в кругу летчиков, пилотирующих даже самые современные сверхзвуковые машины, этот вертолет пользуется немалым авторитетом. А уж они знают что к чему.

Взлетаем парами с небольшим интервалом. Мы так и пойдём сейчас в атаку — пара за парой. Впереди вертолет с бортовым номером 01, его ведет Елисеев, мы же летим с экипажем капитана Юрия Маевского. Задача эскадрильи — расчистить дорогу нашим танкистам, подавив оборону переднего края «южных». До нас там уже поработали реактивная артиллерия, бомбардировочная авиация, но, как сообщила разведка, цели поражены не все.

Под нами волнилась лес, хмурилась рябью озера, плетутся ленты серых полигонных дорог. Чем ближе к передовой, тем чаще видим прижавшиеся к обочинам танки, самоходки, боевые машины пехоты. Через несколько минут вся эта стальная грохочущая лавина рванется вперед к передовой линии обороны «южных». Мы должны успеть расчистить ей дорогу.

Внезапно резко меняем курс и снижаемся почти до самой земли. Мы почти крадемся, почти ползем на брюхе, то и дело отворачивая в сторону. Это может означать или противозенитный маневр, или над нами появилась истребительная авиация противника.

В экипаже вертолета, кроме командира, еще двое — летчик-оператор лейтенант Геннадий Костицкий и бортовой техник старший лейтенант Василий Ляшенко. На командира — управление машиной, оператор в бою за наводчика, но может через дублирующую систему взять управление на себя, бортехник — еще один глаз командира в воздухе, он же летающий инженер, который отвечает за исправность машины. Перед вылетом Геннадий Костицкий рассказал, что вчера они пролетали над его деревней, прямо над самым его домом. Его с другим не перепутаешь — одна половина крыши под шифером, другая под дражкой, а стены дома желтые и голубые. Он даже заметил во дворе своих — мать, отца и младшего брата.

— А они знали, что это ты летишь?
— Нет, — вздохнул Костицкий, — потом как-нибудь расскажем.

Самый молодой летчик эскадрильи, он проходил первые воздушные университеты в авиаклубе ДОСААФ. Учился летать на винтокрылых машинах первого поколения, в армии пересел на боевой вертолет. Налет у Геннадия пока невелик — 200 часов, но зато (и он этим гордится) почти все свои часы в воздухе Костицкий работал в условиях, максимально приближенных к боевым: «Везло — учение за учением».

Наша группа зависает над землей, теперь уже от передовой вертолеты отделяет только неширокая полоса леса. Последние секунды до атаки. Со всем близко рвется от снарядов земля, взрывная волна бьет по корпусу машины. Это стреляют «южные», пытаются расцезать боевые порядки, загнать в укрытия изготовившиеся к броску подразделения «северных».

Мы видим, как срывается с места и взмывает над лесом первая пара вертолетов. На летном языке это называется «горкой». Но вот ее пик — вертолеты замирают в воздухе. Залп. Один, второй. Десятки снарядов огненной стройкой как бы сшиваются на мгновение вертолеты с далекими целями... Наша очередь. Маневр. Машина одним гигантским скачком взлетает на невидимый гребень. Впереди исчерченное окопами поле, горящий кустарник, фонтаны взрывов, перекошенные ветром дымные завесы. В этом полыхающем безбрежье боя надо найти свои цели, только свои, чтобы не послать снаряды в уже поверженные мишени. Секунда на ориентировку, еще одна на прицеливание. Вот

тот квадрат, который мы должны накрыть, — блиндажи, орудия, чей-то КП. Маевский чуть доворачивает нос машины влево. Залп... Резкая свистящая струя врывается в барабанные перепонки, в открытые амбразуры окон врывается горячая, обжигающая лица волна. Еще один залп. Снаряды срываются вниз воющим роем, оставляя за собой дымные хвосты. Надо уходить. Отворот. Теперь и мы в боковые окна видим взрывы, плавающие в небе обломки щитов и бетонные балки. Идут учения. Там нет людей, там только цели. Цели условного противника, теперь уже не существующие.

Когда мы ложимся на обратный путь, вспоминаю слова Елисеева: «Я не знаю, придется ли мне вести эскадрилью когда-нибудь в настоящий бой или нет. Мне бы этого не хотелось, как человеку, как отцу. Но мы военные люди. Наше дело уметь воевать. И если в своей работе я что-то сделаю не так, мои сыновья упрекнут меня в этом первые».

ЗАСАДА

Обстановка: Отражая атаки «северных», «южные» производят перегруппировку сил, подтягивают резервы. На отдельных участках «южные» контратакуют, стремясь вернуть себе инициативу. «Северные» усиливают натиск на решающем направлении, вводят в зону прорыва вторые эшелоны.

— Как ап-парат? — кричал Пушков на бегу Студенову.

— В порядке. — Борттехник экипажа старший лейтенант Студенов только что закончил осмотр машины, в который уже раз за день облезли радиаторы, прощупал силовую систему, трансмиссию. Как будто знал, что предстоит еще один взлет.

— По коням, — командует Пушков. — Идем в засаду с Елисеевым.

В тот день эскадрилья работала в небе с самого утра почти без отдыха. Едва вертолеты успевали сесть на аэродром, поступала новая вводная. Экипажи не отходили от машин. Вооруженцы едва успевали набивать пакеты новой порцией боеприпасов. Моторы не приходилось даже разогревать, они просто не успевали остывать. Людям не оставалось времени не только на перекур — на то, чтобы выпить глоток чая!

Из штаба передали, что, по данным разведки, «южные» выдвигают танковый резерв для нанесения контрудара во фланг наступающим колоннам «северных». Уже примерно ясно, где попытается ударить противник. Там пока нет сколько-нибудь серьезного заслона. Группа вертолетов огневой поддержки должна сесть в засаду на танкоопасном направлении и внезапной ракетной атакой остановить продвижение противника.

Вертолетная засада. Еще несколько дней назад это могло показаться нам нереальным. Как это, спрятать где-то тяжелые винтокрылые машины, а потом вдруг атаковать ими противника? Вертолеты не пушки, даже не танки, в землю их не зароешь. И тем не менее вертолетная засада — прием вполне реальный. Мы уже убедились, как неприхотливы машины в выборе посадочных площадок, как стремительны в движении, как ошеломляюще могучи в быстротечной атаке. Итак, засада.

Прямо со старта резко уходим влево, где горбчатся поросшие кустарником холмы. Сейчас нужнее, чем когда-либо, подойти к месту засады незамеченными. Наш дополнительный шанс — внезапность. Над холмами плывут черные ровные облака дыма, мы проносимся над разбитыми блиндажами, поверженными мишенями. Только что здесь шел бой, и след его впечатан надолго в еще не остывшую от прежних военных пожаров землю.

Мы садимся на изрытую свежими во-

ронками площадку, заслоненную с трех сторон лесом и холмами. Вертолеты жмутся почти вплотную друг к другу — площадка невелика. В нескольких десятках метров от нашей машины догорает сброшенный с бетонного постамент вертолет-мишень, правее дымятся обломки КП, совсем близко — несколько срезанных разрывами берез.

Летчики маскируют машины, закуты в них в маскирующую ткань, в воздухе рыщут самолеты «южных». Только Елисеев остается на связи, каждую минуту наша разведка может передать данные о движении танков «южных». На этот раз предстоит атаковать ракетами. Воздушная разведка передает подтверждение — танки «южных» идут в направлении рощи «Красивая», так называется березовый лес позади нас. Значит, они обязательно окажутся на склоне широкого холма, что высится прямо перед нами.

Все. Время. С вертолетов соскальзывают вниз маскирующая ткань, как Пушков, прежде чем запустить двигатель, кричит Еремину:

— Женя, помни, только спокойно.

Евгений выбрасывает вверх большой палец. Это можно понимать как «все будет как надо, командир». У Еремина было не так уж много боевых «пусков». Я уверен, что он волнуется, хотя и скрывает это. Вопрос в другом — сумеет ли оператор перебороть волнение в нужный момент, сосредоточиться только на бое, отбросив все, что не имеет к нему отношения. Как-то Елисеев заметил, что настоящим боевым летчиком можно стать быстро, а можно так и не стать никогда. Человеку не помогут никакие знания теории, если он сразу не научится мгновенно оценивать обстановку, «видеть» небо, автоматически выбирать единственно верный маневр из нескольких возможных. Такие вынуждены уходить. А что делать, бой не прощает ошибок. У Еремина все пока шло нормально. Но экзамен на боевую зрелость для Евгения еще не кончен.

И вновь рывок вверх. Танки противника катят по склону холма. Вертолеты ложатся на боевой курс, доворачивают вправо, потом, накрив носы, машины бросаются в атаку. Оранжевый всполох под крылом, резкий толчок — это сходит с держателей одна ракета, еще один всполох — другая. Атакуют одновременно четыре вертолета. Маневр. Пушков кладет машину на правое крыло, бросает ее к земле. Все это отнимает несколько секунд. Но я успеваю заметить шесть черных факелов на склоне холма — шесть остановленных нашими ракетами мишеней противника. Эти шесть уже не ударят никому во фланг. И два из них на счету Еремина. Он выиграл свой бой.

Обстановка: К исходу дня передовые части «северных», развивая успех, вышли к Западной Двине и форсировали ее главными силами. Решающую роль в удержании района переправы до подхода основных частей сыграл тактический воздушный десант, взаимодействующий с вертолетами огневой поддержки.

Запись телефонного разговора:

— Звонят по поручению командующего авиацией округа. Командующий просит узнать, кто из личного состава был в воздухе в момент высадки десанта?

— Группу вел подполковник Елисеев. Огневое прикрытие десанта — идея его же.

— Генерал-лейтенант просит передать благодарность Елисееву и его группе. Объявить сегодня же на общем построении...

Район учений «Запад-81».

ДОРОГА ДОМОЙ

Этюды о художниках

Адель АЛЕКСЕЕВА

1

Зимой 1923 года, подняв воротник старого стеганого пальто и кутаясь в шерстяной, деревенской вязки шарф, Алексей Владимирович Исупов длинным шагом входил в Теплый переулок следом за Василием Васильевичем Мешковым. Оба они лет десять назад окончили Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Их роднила живопись, которую оба беззаветно любили, поклонялись ей, служили со всем пылом и верой молодости, а служение общему делу, как известно,—самое высшее свидетельство человеческой близости. В числе их «богов кисти» были Серов, Коровин, Васнецов, преподававшие в училище.

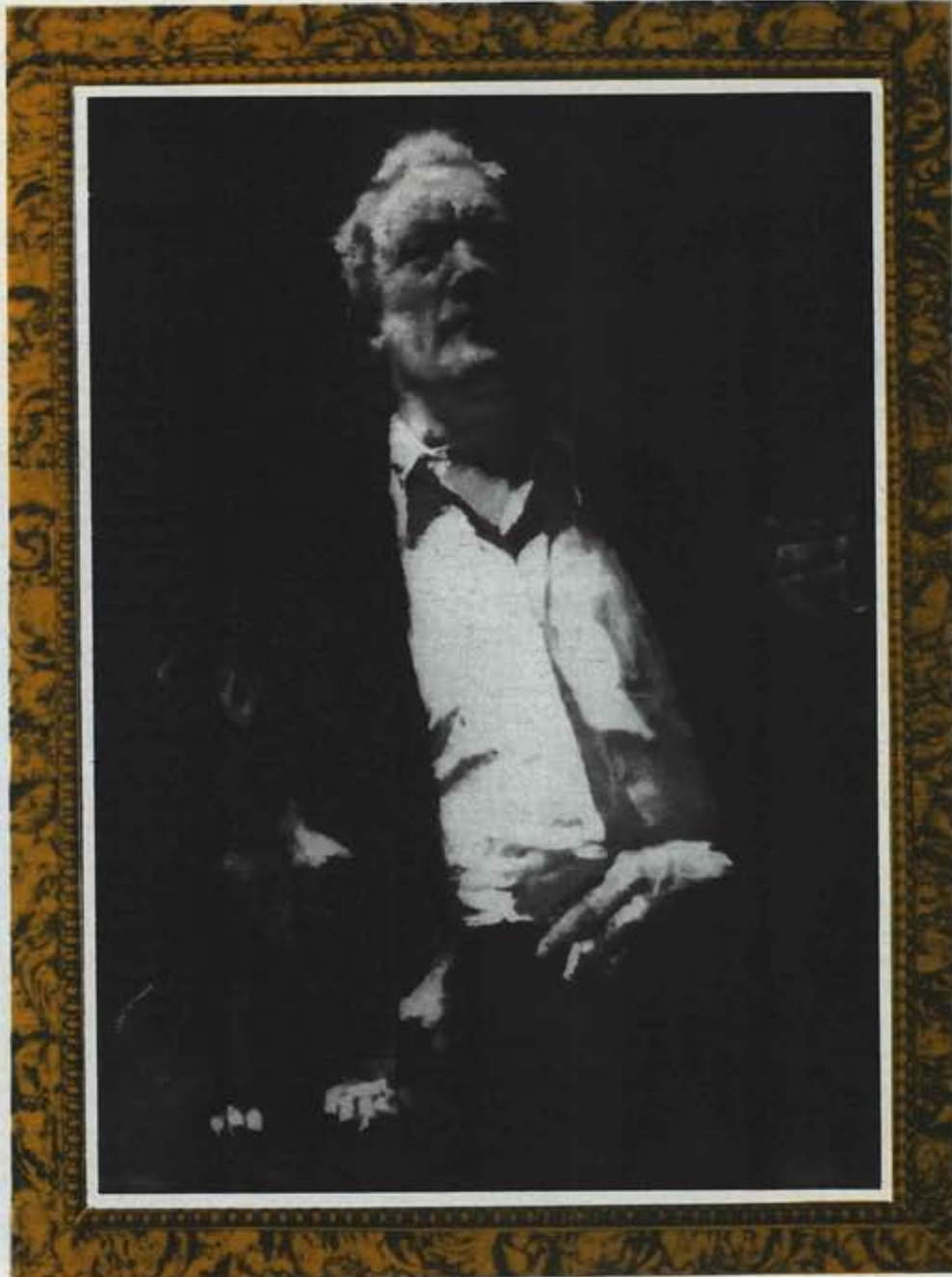
Василий Васильевич Мешков, сын академика Мешкова, с детства рос в атмосфере искусства, в одном из старинных домов Москвы, был, что называется, баловнем судьбы. Алексей же Владимирович, сын резчика по дереву, ремесленника из Вятки, приехал в Москву неотесанным провинциалом. Кто-то из тамошней интеллигенции показал его рисунки Аполлинарию Михайловичу Васнецову, и тот посоветовал мальчику идти в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Долговязый, неуклюжий, белокуро-кудрявый, Алексей имел лицо простолюдина и неисправимо окал. Годы учения удивительно отточили его талант, он двигался семимильными шагами, на зависть всем, однако годы не повлияли на выговор Исупова. В любой компании его можно было узнать по вятскому оканью, растяжке слогов в конце фразы.

Судьба уже немало погоняла Алексея Владимировича по краям и весям. В начале мировой войны был он направлен в Среднюю Азию и провел там целых шесть лет: служил в армии, был болен, лечился от костного туберкулеза и—работал, увлеченно работал...

Второй уже год, возвратившись из Ташкента, Исупов жил в Москве и все не мог утолить голод по искусству. Трескуче и безапелляционно кричали против станковой живописи, за авангардизм и прочие «измы» люди, вовсе не близкие сердцу Исупова. Апологеты этих самых «измов» захватили некоторые позиции в искусстве. Алексей Владимирович часы и дни проводил в общении с единомышленниками по училищу. Бывал в домах обоих Васнецовых, еще не уехал Коровин, виделся с ним. Как за живой водой, ходил в Третьяковскую галерею. И частенько бывал у Мешкова-младшего. Там любили русскую старину, предметы русского быта. Там он чувствовал себя дома.

Часами говорили они о народных промыслах, о русской иконе, о мастерстве художническом, о линии Рембрандта и Репина, о цвете у Коровина и мазке Сурикова, о портретах и лицах человеческих вообще,—Мешков любовался ташкентскими работами товарища.

Ах, как влекло Исупова последнее время одно

АВТОПОРТРЕТ С СОБАКОЙ.

лицо! Не молодая и не красавица, ни украшений, ни наряда, ни той яркости и броскости, что сами просятся на холст, ни тем более показной значительности, которая потом в портрете оказывается карикатурной... Влечет и манит не внешней, но глубокой, внутренней красотой, характером. Ах, если бы он был писателем, как увлекательно было бы раскрыть этот сложный и сильный характер! Это—теща Мешкова, хотелось очень Исупову ее написать, а сегодня он и этюдник с собой взял. Была не была, будет просить позировать ему. Чувствует себя готовым, видит ее уже на холсте.

— Василий, а что Ольга Николаевна, давно вдовой осталась? Хоть и немолода, а могла бы еще и замуж выйти?—спросил Алексей у друга.

— О, наша Ольга Николаевна никогда не выйдет замуж! Подозреваю, что она из несчастной породы однолюбов. Бывают такие,—засмеялся Василий Васильевич,—уважаю и... сочувствую. Муж у нее был красавец, кутила. Противоположности сходятся. Такой блестящий офицер, бреттер, картежник—и она. Когда третьего ребенка родила, муж проигрался в пух и прах. Даже золотую медаль жены—институт она окончила с золотой медалью—и ту проиграл. Лопнуло терпение Ольги Николаевны, восстала родовая гордость. Ночью на извозчике увезла детишек, а меньшей, Анечке, едва полгода исполнилось. Развод, сам понимаешь, по тем временам дело немислимое, не то что теперь—свобода от семейных пут на каждом шагу рекламируется. И стала Ольга

Николаевна жить у отца, тогда еще был жив Николай Иванович Давыдов, «его превосходительство», воспитывать детей и заодно братьев и сестер.

— А муж?

— А муж Ольги Николаевны был убит на войне. В первый же год. После этого фотографию его повесила на стену и уже не снимает. Однако в доме говорить о нем не принято. Имей в виду и не пытайся. Я сам узнал крохи, и то в последнее время. Вот какая это женщина. Характер Давыдова.

— Какого Давыдова?

— Того самого, Дениса Васильевича. Ее прадеда. Помнишь пушкинское: «Гляжу я на тебя и сердцем молодое»? Гусар и поэт, герой 1812 года.

Исупов как-то вдруг ушел в себя, внутренне сосредоточился. Так он «уходил», узнав что-то поразившее его, чтобы не «разжигать» впечатленные новыми разговорами, замыкался, осмысливая, вращая в новое знание.

Когда они вошли в квартиру, Исупов с особенным, теплым вниманием посмотрел на Ольгу Николаевну. Она была в желтоватой теплой кофте. Маленькие аметистовые сережки и такая же брошка. Седящие, гладко причесанные волосы. В меру приветливая улыбка. Озабоченность и сдержанность.

— Как ваше здоровье?—спрашивает она Исупова. Помнит, что тот давно жалуется на руку. Лечится ли? Да, но все без толку. Говорят, только теплый климат поможет. А где его взять? Ни Москва, ни Вятка теплым климатом не славятся.

— Не запускайте болезнь, батюшка. Ищите, ищите врачей, Алексей Владимирович.

— Да, да, конечно,—улыбался Исупов. И смотрел своими необычайно сияющими глазами с пристальным вниманием на Ольгу Николаевну.

Ее дочь Аня, черноглазая Аня, рассказывала, как на днях они чуть не сгорели.

— Представьте себе, загорелась елка. Ведь мама неизменно, несмотря ни на какие сложности, и теперь, когда мы взрослые, устраивает елку. Игрушки, конечно, самодельные; конфеты, орешки «золотые»; вата изображает снег. И свечи. Загорелся клочок ваты, и елка, должно быть, подсыхла уже, вспыхнула факелом. Мы перепугались, выбежали звать на помощь. А мама, представьте, сама, в одиночку, разбросала все это горящее, стала топтать и загасила пожар. Как только ей не страшно было!

Ольга Николаевна улыбнулась:

— Полно, Анечка, разве это страшно. Вот когда человек подло поступает,—тогда да. Тогда руки могут опуститься. А ни пожары, ни воры, ни даже болезни...—Она была осеклась, вспомнив про болезнь гостя, но заставила себя договорить:—Нельзя поддаваться, нельзя ничему поддаваться.

И принялась хлопотать у стола, раскладывая скромную снедь 20-х годов.

Исупов наблюдал за ней молча, никак не участвуя в разговоре, который перекинулся на другие, обыденные темы, выдавая тем не менее бережное внимание и ласку в семье. В этом доме и гости чувствовали себя свободно.

После чая с черной коврижкой Исупов, глядя чуть не умоляюще на хозяйку, попросил ее позировать. Ольга Николаевна согласилась.

— Можно и посидеть час или два. Сегодня я уже порядочно ходила,—сказала она. И покорно устроилась на диванчике, похоже, еще прошлого века.

Портрет работался легко, свободно. Внутренним взором художник видел все. Кисть быстро и без суеты, уверенно и любовно находила нужные краски. Мазок лепился один к другому. Колорит сдержанный, без акцентов, почти суровый, под стать характеру.

Лицо истинное, склад народный. Правнучка Давыдова! И вместе с тем что-то извечное, близкое Исупову. Такие лица полны природного достоинства, независимо от происхождения. Они горды, они бесстрашны, как лица некрасовских женщин.

В деревне ли самой глухоманной, на кафедре института, перед нищим или перед ребенком—езде эти люди в главном своем, в своей основе одинаковы. Без стремления извернуться в поисках выгоды, вкрадчивыми словами обмануть или прельстить и уж тем более диктовать с грубой настырностью собственные хотения...

Широкое русское лицо с высокими скулами, напряженно

**ПОРТРЕТ
ЖЕНЫ
С КОРЗИНОЙ
ЦВЕТОВ.**

его тоже получился с вятским акцентом. А жена, Тамара Николаевна, и вовсе с трудом говорила по-итальянски. Оставаясь вдвоем, они отводили душу в разговорах по-русски, да еще вспоминали задиристые какие-нибудь словечки, вроде «ушомкался», «пентюх», «поутлее»... А собаку свою назвали «Ватрушка». Квартира полна была русской утвари, икон, игрушек из Дымкова, колокольчиков.

Уверенной походкой проходит Алексей Владимирович мимо комендатуры. Вид его не должен вызывать подозрений у полиции.

Он хочет сохранить (это просто необходимо!) хотя бы внешне веселый природный нрав; то и дело изображает себя этаким поклонником вина и женщин, а еще — знатоком лошадей, конного спорта. Лошадь — любимая им модель, альбомы его полны их зарисовок.

Но если бы можно было заглянуть ему в душу в эти тяжелые дни войны...

Внешне он никак не похож на того худого, робющего юношу, что поднимался в дом Мешковых в 1923 году. Это теперь плотный костистый пятидесятилетний мужчина. На автопортрете с собакой Ватрушкой (1942 год) лицо его освещено на три четверти. По контрастным светотеням можно почувствовать внутреннюю взволнованность. Крупное ширококостное лицо полно достоинства, пожалуй, даже гордости. Взгляд беспокойный, устремленный адаль. Куда? Через годы, через войну, через границы... Как там Сталинград, Кавказ, Москва? Друзья, товарищи по искусству, родные по духу, по крови люди?.. И еще, благополучны ли те, что

**СТАДО
КОЗ
С ПАСТУХОМ
В ЛЕСУ.**

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ.

сдвинутые брови, под крыльями носа и от уголков губ две извилистые линии — мягкие морщинки. В глазах озабоченность и сосредоточенное внимание — и к новой пелерине Анечки, и к разговорам об эмиграции, и неодобрение тех, кто бежит, и спокойное ожидание того, что будет.

Окончив, Исупов заключил голову в овал. Мягкая линия эта подчеркивала благородство и женственность Ольги Николаевны.

Не более двух часов длился этот сеанс, но портрет получился прекрасный. Он и сейчас висит над кроватью Анны Владимировны, от него, впервые увидев, я долго не могла оторвать глаз...

2

И вот — спустя двадцать лет.

Рим. Центр города. Фешенебельный район.

Темные улицы еле освещены. Белый дворец Виктора-Эммануила, несомненный, как корона, высится рядом с театром древнеримских времен. Дорога к столь же вызывающе раздражающему, по-фашистски помпезному Дворцу цивилизации и труда проходит мимо заросших травой терм* Каракаллы...

1943 год. Город вечности весь во власти мгновения.

Тяжелые, плотные шторы на окнах школы-студии, что напротив фашистской комендатуры. Но в этих шторах есть щель, в которую видно, что происходит на улице... Еще не наступил комендантский час, после которого движение по улицам запрещено. Высокий, широкий человек с покатыми плечами и откинутой белой головой заглядывает в щель на улицу и подает знак: выходить! Двое в пальто с беспечным видом быстро шагают за угол. А человек с белой головой и покатыми плечами еще долго глядит из темной комнаты.

Это Алексей Владимирович Исупов в своей вилле, которая стала конспиративной квартирой в дни войны. А рядом его жена. Да, тот самый Алексей Исупов, что когда-то мальчишкой приехал из далекой Вятки в Москву. Тот самый, что по наущению Аполлинария Михайловича Васнецова поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества и блестяще его окончил.

Туберкулез, который не утих в Средней Азии, и болезнь рук не давали покоя. Ходил он по московским врачам, но все твердили в один голос, что нужен теплый климат, и не какой-нибудь, а средиземноморский. В 1926 году поехал в Италию лечиться. И, конечно, итальянское небо, краски, великая живопись, которой наполнены музеи, сделали свое дело. Как только стало лучше, забыл о лечении, весь отдался живописи. А там пришла известность и гордое чувство удовлетворения — шутка ли, покорить вечный город!?

Он стал знаменитейшим художником Рима. Имеет свою школу-студию. Картины его в музеях Италии, Франции, Америки. Писать портрет у него — немалая честь.

Незаметно летят годы на чужбине, когда напряженнейше, по десять — двенадцать часов ежедневно работаешь. Кажется, вчера еще, ну, несколько месяцев назад все было возможно и только дела не отпускали, и вот — война. Страшная, огромная война. И Россия отрезана. Давно уже тосковала душа.

* Античные бани.

рвалась домой. Да не так это легко и просто оставить начатые работы, отказаться от намеченных выставок.

Что ж, если отбросить ложную скромность, он достиг высот. О его царственном мазке говорили, его трепетным ощущением света восхищались, его женские портреты как нельзя поэтичны, да любой этюд, набросок только предложи коллекционерам... Но теперь — война.

И ни слова, ни дом, ни жена, ни тем более деньги не утешали угрюмых мыслей и рвущегося сердца. Часто (слишком часто для столь благополучного дома) ночами хозяин ворочался с боку на бок, вспоминая родину: то «Портрет Бестужева» работы Чернышева и тропининского мальчика с таким дивным, одухотворенным лицом в вятском музее, то ярмарку-вистуноню, крепкий лед на реке и катанье на ледяках (боже, сколько лет он не видел снег на равнине!), а то московские чаепития и бесконечные споры художников.

И Ольгу Николаевну тоже вспоминал, стала она для него почти символом прекрасной, деятельной, культурной России. Попытался представить, как ей было, когда фашисты эскадрилью за эскадрилью посылали на Москву.

По ночам ему снились березы в ивее и тройка, он правил и не мог никак остановить — и просыпался в холодном поту: кони мчали его в польскую.

А как долго не мог он притерпеться к порядкам и народу, к обычаям европейским. Итальянский язык

ушли вчера от него? И кто придет еще? Его квартира стала явкой для партизан. Ему говорили: ты рискуешь головой. Ну и что? — отвечал он. К нему приходили бежавшие из плена итальянцы, французы.

Партизаны! Бывало (о, как нечасто это было и как он этого ждал!), бывало, из лагерей бежали русские и скрывались у него. Партизаны приводили их, и тогда супруги Исуповы не спали ночь, наслаждались звуками русской речи, даже молчалием, непередаваемо родными движениями, а еще тем особым сознанием собственной скромной, но полезной роли, отсутствием внешней самоуверенности и чувством надежды, что так безошибочно отличает лучших из русских. Исуповы всегда с затаенным ожиданием спрашивали: а из каких вы будете мест в России? Но вятские им не встречались. А, да что вятские — были бы русские!

...После войны он сразу начал строить планы, как поедет в Россию, в Советский Союз, как совершит путешествие по Волге, по Каме, как прокатится на лошадях по снегу, по родному городу, как привезет туда свои картины и будет тайно поглядывать, смотрят ли его земляки. И — незадолго до смерти — шептал жене:

— Тамара, картины мои обязательно должны быть на родине. Если умру (он в это время все чаще прибавлял), ты повезешь их. Может, в Вятку... Знаешь, там такая тишина. Как-то мы пошли по грибы в детстве, грибов — жуть сколько, лазал я за ними, лазал, ну и заблудился, а лес глухой, могучий. Тут, в Европе, леса аккуратные, о настоящих чашобах и не

И вот 1981 год. Я иду на свидание с Исуповым в старый вятский художественный музей. Стою возле его картин. Любуюсь его лицом. Широкое, обаятельное, озорное и некрасивое, с ямочками от всегдашней улыбки. Смотрю портреты жены Тамары Николаевны. Молодая, еще туркестанского периода, в синем платье, горностае, — как красив мех рядом с темной шляпкой и темными глазами! И портрет жены 50-х годов — в красном платье, с красной прялкой, золотистая пряжа перекликается с освещенным солнцем лицом...

В зале — его земляки; очень похожие на него, светлолицые, полные живого интереса к открывшемуся.

Я хожу по музею часами. Ухожу, а картины не уходят из памяти. Ночью видятся тревожные сиренево-лиловые тона «Обнаженной женщины» — нечеткий контур фигуры, обозначенный не линией, а только мазком. Все расплывчато, но это совсем не импрессионизм, скорее тревога позднего Возрождения.

Я внимаю этой совершенной живописи и смотрю на даты написания. Простые цифры, а сколько за ними! Сравниваю... Будто вижу, как спасал людей, помогая не чем бог пошлет, а используя все возможности и, конечно же, положение прославленного живописца, мэтра.

Искусство живописи не просто тема, сюжет. Палитра, мазок, колорит уже сами по себе — язык живописца. Всего лишь натюрморт, портрет женщины, розы... Но как много за этим можно прочесть!

1942 год. «Женщина с подносом». Женщина в черном платье с белыми манжетами. Чайник. Но какое бесконечно грустное, недоумевающее, растерянное лицо, наполовину закрытое тенью. Рядом с

УЗБЕЧКА.

слыхивали. Так вот, заблудился, а уже смеркалось. Стою — и тишина. Я такой тишины за всю жизнь больше не помню. Слово оглох, и не верилось, что такой лес огромный и ни одного звука...

3

...Поезд медленно приближается к границе. Вагон забит доверху. Здесь все, что можно вывезти из Рима.

Сотни холстов и тысячи листов с рисунками, аккуратно все закрытое, обвернутое, завязанное. Стекла, где были, сняты. Мягким тряпьем переложены рамы. Все, что сделано руками, сердцем Алексея Владимировича Исупова: ни один рисунок, ни один набросок не оставлен, даже кисти, которыми писал он в последние свои месяцы, — все возвращается к началу начал своих, на Родину.

Поезд подрагивает на стыках рельсов. За окном тянется без конца и края равнина, на десятки и сотни верст леса, поля. Редкие деревни, города. И трудно и легко дышится от нежности и любви.

Тамара Николаевна достает валидол.

Постукивают портпледы, чемоданы, скрипят рессоры.

Что ждет ее впереди? Добраться бы — не умереть. Вон сколько везет она! Велика Россия, талантов много, музеи забыты, найдется ли место для ее мужа?

Александр Михайлович Герасимов приезжал к ним в Рим (портрет его блестяще написал и подарил ему Исупов). Павел Дмитриевич Корин не раз бывал в гостях. Сестра Анастасия Владимировна Марданова писала письма, рассказывала, что и как. И все звали. А главное — он сам хотел. Ах, да что там, хоть бы умереть в России, быть похороненным в родной земле! И то не привелось...

Важно другое: его картины (более трехсот) едут домой!

Даже когда он писал самые незамысловатые свои вещи (дерево, голову коня, цветок), он хотел понять в изображаемом предмете главное — душу, извлечь ее и показать зрителю: смотрите! Вот она, суть, вот ради чего и чем существует, вот он, свет души, ощутите его — узнаете сокровенное, вам откроется то, что не сразу и с таким трудом узнал художник... Искусство лечит. И будоражит и не дает уснуть, поднимает над буднями и расширяет мир.

Алексей Владимирович возвращался на Родину... Поезд остановился. Темные своды вокзала. Машина «Скорой помощи» ждала у вагона, из которого вышла Тамара Николаевна Исупова. Встречали ее представители Министерства культуры СССР, художники, родные. И вдова Василия Васильевича Мешкова.

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ
В БЕЛОЙ НАКИДКЕ.

закадычного, старинного друга... Как изменились обе, как все изменилось вокруг — новая, неведомая жизнь...

И слезы и радость...

Сколько пройдено дорог Исуповым! Как много взял он от тысяч встреченных им на дорогах жизни, как широко и беззаветно впитывал и растворял в себе все многообразие национального искусства. По любознательности своего нрава живо откликнулся на чужую для него культуру, замечая порою в ней то, чего не видят живущие там. Земли Востока и Запада открыли для Исупова неповторимую поэзию своего мира, и он, увлеченный, понес ее другим...

Но грусть по Родине никогда не покидала Исупова. Часто тоска и меланхолия преследовали его. И даже головокружительный успех и Италия не смогли восполнить огромную пустоту, которая возникает в сердце человека, живущего вдали от Родины. Он вернулся.

таким лицом красота серебряного подноса, позолота кажутся бессмысленно ненужными, даже нелепыми.

А сколь многозначно поэтичен «Натюрморт» 1946 года! На белой скатерти две белые чашки, два лимона на белом. А верхняя часть картины, наоборот, темная — пунцово-трагичные розы, темно-зеленая ваза. Впрочем, вазы здесь две: в одной увядшие цветы, в другой — живые. Натюрморт живет и дышит. Здесь два человека — один ждет другого или двое ждут кого-то?

Какое тонкое, почти эмалевое письмо на чашках! Белый, до голубизны прозрачный фарфор, мазка нет, как написано — не понять. Белоснежная скатерть — и широкие с маху удары кисти, а внизу краски втерты пальцем, в складках скатерти нежная растушевка. Какая разнообразная, послушная мастеру техника! Кто-то упрекал Исупова в эстетизме: мол, это искусство для искусства. Нет! Здесь все поэтично и многозначно.

Возвращенные в родные места его юности картины, рисунки да и все связанное с ним согревают и укрепляют дух, вселяют радость и гордость за силу и красоту искусства.

А ЧТО У ВАС?

КОМСОМОЛЬСКИЙ
ПРОПАГАНДИСТ

НОВЫЙ ГОД С НОВОЙ СТРОЧКИ

Занятия окончились. И как бы ставя последнюю точку, Лидия Михайловна сердечно напутствовала своих слушателей:

— Счастливо поработать с сеткой! И мерехи чтобы чистыми были!

Спасибо. И улыбки в ответ. В цехе девчата обязательно встретятся со своим пропагандистом. Никак она не минует машины, на которых они работают. Никак она не пройдет мимо строчек и мерехи, из которых складывается неповторимая шуйская вышивка. Пропагандист Дорощева возвращается к обязанностям главного художника Шуйской строчевышивальной фабрики.

Написала я слово «возвращается» и задумалась. Неточное выражение. Дело в том, что Лидия Михайловна в каждом цехе остается пропагандистом, а на каждом занятии продолжает быть художником. Ей одинаково дороги строчки будущих изделий и новые строчки в личных комплексных планах своих слушателей, потому что они крепко-накрепко переплетены. В красивых узорах, сработанных молодыми шуйскими мастерицами, воплотились не только профессиональные навыки, но нечто большее: воспитанное у слушателей стремление высоко держать честь фабричной марки.

Лидия Михайловна иногда проводит занятия в ассортиментном кабинете фабрики. Здесь она показывает изделия своих бывших слушателей. Многие из них отмечены дипломами, почетным пятиугольником качества, побывали на зарубежных и всесоюзных выставках. Как не гордиться этим!

Мы нередко задумываемся над тем, как материализуется пропагандистское слово.

— На опыте я убедилась,—говорит Лидия Михайловна,—что пропагандистское слово окажется по-настоящему действенным только в том случае, если каждый из нас сумеет вложить в него современные знания, желание и умение увлечь, заинтересовать своих слушателей, политически, мировоззренчески просветить их, убедить, а в итоге побудить к конкретным действиям. Моим слушателям нравятся активные формы учебы, такие, например, как Ленинские уроки. Встречные и личные комплексные планы мы рассчитываем на политзанятиях. Выработаем совместные конкретные действия. На одном из занятий девчата приняли решение бороться за звание бригады коммунистического труда. На другом выступили с инициативой: каждому слушателю личную библиотеку марксистско-ленинской литературы. Такие библиотеки были созданы. Потом девчата стали книгошомами. Я горжусь, что из числа моих кружковцев немало молодых работниц вступили в партию, стали победителями конкурсов профессионального мастера.

В прошлом году Лидия Михайловна окончила университет марксизма-ленинизма. А диплом защищала прямо на фабрике, в присутствии своих слушателей. Личный пример—это также и ее труд, за который она награждена медалью «За трудовое отличие» и значком ЦК ВЛКСМ «Комсомольскому пропагандисту».

С новой красной строчки начался новый учебный год—десятый для комсомольского пропагандиста Лидии Михайловны Дорощевой.

Юлия МАЛИНИНА

АДРЕС ОПЫТА

«ТОРМОЗОК» НА КОЛЕСАХ

Издавна, спускаясь в забой, шахтеры брали с собой «тормозок» с нехитрой снедью для обеда на скорую руку. Сейчас на многих шахтах работают подземные столовые, в которых можно пообедать не хуже, чем на поверхности. А вот горняки, добывающие уголь, не спускаясь в шахты, открытым способом, с «тормозками» распрощаться не спешили. В самом деле, на участке открытого угольного разреза людей работает не так много—стационарную столовую для них не построили. А в поселок ездить обедать далеко. Как быть? В Междуреченске Кемеровской области эту проблему решили, исходя из старой поговорки: «Если гора не идет к Магомету...» Привозить горячие обеды прямо на рабочие участки—еще полдела. Надо было еще продумать, как их доставить порою за многие километры, в любую погоду, да по дорогам, где пока еще нет асфальта. Немало изобретательности проявили работники Томь-Усинской автобазы, чтобы переоборудовать обычные БелАЗы в комфортабельные столовые на колесах. Сейчас две такие машины с яркими надписями на бортах «Белочка» и «Поваренок» хорошо известны на всех угольных разрезах Междуреченска. Каждая из них способна принять под свою крышу, усадить за стол и накормить вкусным горячим обедом одновременно 16 человек. Работники автобазы готовятся выступить на угольные трассы и третий передвижной «тормозок». Было бы неплохо, если бы их опытом заинтересовались на специализированных предприятиях, способных освоить централизованный выпуск подобных столовых, которые наверняка придутся «по вкусу» не только горнякам Кузбасса, но и людям многих профессий в разных концах нашей страны.

Валерий ОРЛОВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ

МАГНИТОЛЕТ ГОТОВИТСЯ В ПОЛЕТ

На страницах «Смены» уже рассказывалось о работе советских ученых, проектирующих новый вид транспорта—поезд без колес, который журналисты тут же окрестили «магнитолетом».

Сейчас в работе по созданию первых советских экспрессов на электромагнитной подвеске наступил новый важный этап. На испытательном полигоне, который находится под Москвой, недалеко от города Раменское, рабочие приступили к сооружению экспериментального участка для ходовых испытаний транспорта будущего. Протяженность первой трассы магнитолета почти километр.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

«Фильм... о нас»

Осенью 1978 года «Смена» рассказала о молодых строителях крупнейшего в стране Тобольского нефтехимического комплекса: в очерке прослежена судьба комсомольско-молодежного коллектива, которым руководит Игорь Путько. Спустя три года эта публикация нашла свое продолжение в документальном кино. На ЦСДФ режиссером Юрием Тагулашвили (операторы Андрей Колобродов и Виктор Маев) снят фильм, сюжетом которого стали рабочие будни этой же бригады.

Кинематографическое исследование заостряет свое внимание на решающих вехах непростой судьбы молодежного коллектива. Началась она весной 1974 года, когда недавние школьники, демобилизованные воины, выпускники ПТУ приехали в Тобольск по комсомольским путевкам в составе отряда имени Николая Островского. Ребята жили в наспех сколоченных бараках, расчищали тайгу под будущие корпуса нефтехимического, вбивали сваи в болотные хляби. А теперь стройку не узнать. Среди таежных дебрей выросли цеха комплекса, пролегли бетонные дороги, встали жилые кварталы нового современного Тобольска.

Второй план ленты—человеческое, гражданское, профессиональное становление добровольцев. Сегодня ребята уже далеко не новички, иные успели получить дипломы мастеров, а иные признаны лучшими специалистами стройки. Здесь, в Тобольске, ставшем им домом, родились их дети.

Фильм, который так и называется—«Бригада», интересен своими наблюдениями, раскрывающими социальный портрет пионеров комсомольской ударной, собственным авторским почерком. Он пополнит летопись освоения Сибири, страницы которой—ударный труд молодежи страны.

Премьера кинофильма состоялась в одном из кинотеатров Тобольска. Самые почетные места в зале, конечно, заняли герои фильма. Но увидели себя на экране многие строители, которые живут и трудятся рядом.

Валерий ЕВСЕЕВ

ПО СЛЕДАМ
НАШИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ

В «Смене» № 10 за 1981 год под рубрикой «Молодые города» был опубликован очерк Владислава Янелиса «Горячий полос Нурека». В нем отмечалось, что в канун своего двадцатилетия Нурек стал крупным административным, культурным и демографическим центром, которому отныне, после окончания строительства Ну-

рекской ГЭС, предстоит жить самостоятельной жизнью. На примере строительства Нурека в очерке анализировался опыт промышленного освоения новых регионов, рассматривались проблемы закрепления молодежи на новых предприятиях, в молодых городах.

Вместе с тем в очерке критически

оценивалась работа Нурекского горкома комсомола, а именно, уровень организации социалистического соревнования, досуга молодых нурекчан, состояние боевостности городского комсомольского оперативного отряда.

Факты, изложенные в очерке, обречены с участием городского комсомольского актива на заседании бюро горкома ВЛКСМ. Критика признана правильной. Разработан и утвержден план мероприятий, предусматривающий активизацию работы Нурекского горкома ВЛКСМ. Намечена организация молодежных вечеров отдыха в городском кафе, созданы две дискотеки, налаживается работа комсомольского оперативного отряда.

ЦК ЛКСМ Таджикистана проконтролирует выполнение плана мероприятий, намеченных Нурекским ГК ВЛКСМ после выступления журнала «Смена». Результаты будут рассмотрены ЦК ЛКСМ в январе 1982 года.

А. УВАРОВ,
секретарь ЦК ЛКСМ
Таджикистана

Кастрюля на столе художника

«Вазар» — по-эстонски означает «молоток». А еще так называется одно из производственных объединений Министерства местной промышленности республики, выпускающее садовогородный инвентарь, замки, посуду, — словом, вещи весьма прозаические и простые, как молоток. Казалось бы, что на таком предприятии делать

художникам. А их в конструкторском бюро «Вазара» немало. И без их участия ни одно из 350 изделий, изготавливаемых в объединении, не попадет на прилавок магазина.

Взять хотя бы простую кастрюлю. Она сначала создается на листе бумаги. Но в своей работе художник учитывает и металл, из которого она будет делаться, и краску, и форму, и размер. Даже о плите, на которой предстоит греться кастрюле, не должен забывать ее «портретист». И только после этого конструктор приступает к изготовлению чертежей, по которым рабочие экспериментального участка создадут кастрюлю в натуральном виде. По образцу авторитетная комиссия определит — будет эта кастрюля жить или нет.

И так с каждым изделием. Может быть, поэтому продукция «Вазара» пользуется большим спросом и у нас в стране и за рубежом.

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора

УВЛЕЧЕНИЯ

Из шахты в космос — один шаг

Представьте, что из сумрачного забоя вы почти сразу попадаете во вселенную. И путешествуете от планеты к планете. Фантазия? Нет! Все это происходит наяву — в музее Подмошского угольного бассейна. Этот музей находится в поселке Бобрик-Гора недалеко от городка Донского, что в Тульской области. Об этом местечке заговорили после того, как 14 июня 1940 года здесь был открыт первый в Советском Союзе планетарий отечественной конструкции. Кстати, в ту пору не было планетариев даже в таких странах, как Англия и Франция. Автором проекта оригинального планетария был умелец-самоучка, механик восьмой шахты Михаил Васильевич Чистозвонов. Несколько лет жизни он посвятил осуществлению давней мечты.

Большие трудности возникли при подборе необходимых для планетария оптических приборов. Чистозвонов нашел выход. Линзы доставал из популярных тогда «волшебных фонарей». А оправы к объективам делал из простых жестяных банок, которые собирали в окрестностях Бобрик-Горы его бессменные помощники — мальчишки. Необходимые механизмы Михаил Васильевич мастерил с помощью своего сына Сократа и друзей с шахты.

Центральный совет Союза воинствующих безбожников, возглавляемый Емельяном Ярославским, ходатайствовал тогда перед Наркомпросом об

оказании помощи подвижнику, пропаганде его опыта.

Как вспоминают старожилы, тот летний день стал праздником. Сотни людей потянулись спозаранку к Спасской церкви. Нет, они шли сюда не на молебен. Они верили не в религиозные догмы, а в торжество человеческого разума. Предполагал ли великий зодчий И. Е. Старов, по проекту которого в 1777 году возведена церковь, что отсюда люди будут «возноситься» не в райские кущи, а в просторы вселенной!

Многие парни и девушки, пройдя астрономический «ликбез», поступили в аэроклубы, летные училища. Посвятили свою жизнь авиации и сын Михаила Васильевича — Сократ Чистозвонов, служивший во время Великой Отечественной войны в бомбардировочной авиации.

В поселок Бобрик-Гора сейчас приезжают лучшие горняки нашей страны, туристы, гости из-за рубежа, космонавты. Есть что посмотреть в музее Мосбасса: документы, рассказывающие о труде и быте шахтеров прошлого, фотографии стахановцев, новинки современной угледобывающей техники... И каждому гостю обязательно расскажут о человеке, который, по выражению его земляков, «прорубил из шахты окно в космос».

А лучшим памятником талантливому первопроходцу Михаилу Васильевичу Чистозвонову стал планетарий при музее. Сейчас здесь установлена самая современная аппаратура, изготовленная нашими немецкими друзьями из ГДР на заводе «Карл Цейс, Йена».

Валерий ПЛЕШАКОВ

«МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ»

В любое время года с Адлеровского аэропорта поднимаются самолеты, несущие на борту огромные, в несколько центнеров, «букеты» цветов во многие города наших республик. Это продукция совхоза «Южные культуры», который можно назвать фабрикой живых цветов.

«Выпускает» фабрика и семена цветов, например, бегонии. Бегония цветет на протяжении всего года, украшая квартиры многих городов. Семена бегонии настолько малы, что рассмотреть семечко невооруженным глазом трудно. Сортировка кропотливая, ювелирная, много требуется сил, чтобы качественно произвести «обмолот» урожая и отсортировать «зерна-невидимки». Отсортировка семян ведется при помощи лотка, такого же, как у золотодобытчиков. Правда, у цветоводов при работе на лотке применяется другой принцип: песчинки и другие тяжелые частицы при сортировке выбрасываются, а легкие семена бегонии бережно собираются в пакеты. Эти семена составляют доходную статью совхоза — один килограмм стоит 10 тысяч рублей. Вот где применима старая русская поговорка: «Мал золотник, да дорог».

Яков ПОНОМАРЕНКО

АРХЕОЛОГИЯ

Тайны скифского кургана

Он был отважным воином, а потому и похоронили его с особыми почестями. Рядом с умершим скифы расположили целый арсенал: копья, стрелы, наконечники, которые время так и не в силах было затупить, лишь позеленело. Тут же была оставлена заготовленная впрок пища — голова сайгака, бычье мясо. И все в его могиле осталось почти в том виде, в каком было 2300 лет назад, когда соплеменники справляли по нему печальную тризну.

Этой интереснейшей находкой начала свой четырнадцатый полевой сезон Запорожская экспедиция Института археологии Академии наук УССР. Курганы у села Корнеевка Веселовского района было два. Первый оказался ограбленным еще в древности. Так что и от второго особых находок не ждали. И все же копали археологи осторожно.

Николай Ковалев лопатой выбирал землю в ведро и подавал наверх напарнику. И вскоре из-под земли несмело выглянуло горлышко амфоры. Она была абсолютно целая. А рядом было врыто в пол еще несколько изящных сосудов. Уже потом, когда археологи обнаружили многочисленное оружие, панцирь, шлем и уздечку, стало ясно — это могила воина.

Первоначально скиф покоился в выдолбленном бревне, напоминавшем лодку, которое покрывал панцирь. Это подтверждает обилие обломков дерева. Не челн ли это?

Но руководитель экспедиции Виталий Отрошенко особо отметил впервые найденный в Запорожской области скифский панцирный шлем.

Рядом с могилой воина было найдено захоронение скифянки. Кем была она, пока сказать трудно. Некогда ее одежды украшали золотые бляшки с изображениями антилоп и грифонов — мифических крылатых существ с головой дракона и туловищем льва. Рядом со скифянкой найдены бронзовый тазик для пищи и прекрасно сохранившийся чернолаковый сосуд греческого типа. Откуда они здесь? На этот и другие вопросы предстоит ответить ученым.

Юрий СУШКО

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

Два часа ходил по лесу, а в корзине — всего несколько волнушек: лежат, сиротиночки, на дне, прижалась друг к дружке, ежата от уже прохладного ветерка.

Да, день сегодня скучный, аж тоску нагоняет. Даже птиц не слышно. И лес хмурится, кажется однообразным, тусклым. Неужели он меня так ни кем и не порадует?!

Пойду-ка к Осетровке. Может, у речки веселей. Грибов уж все равно нет.

Берега Осетровки заросли. Ивняк, таволга, крапива — все переплелось, перемешалось — тут много не найдешь. Я уже хотел было повернуть назад, как вдруг впереди что-то мелькнуло ярко-алое. Надо подойти.

Куст калины был небольшой. Он чуть наклонился к речке, и ягоды висели над водой. Всего несколько кисточек. А красотища! Сколько ни любовался — не надоело. Недаром в народе калина считается символом красоты, девственности, любви, скромности, робости...

Решил попробовать ягоду — о-о! — пока рановато: кисла уж очень... Надо подождать. Вот когда прихватит ее морозцем, когда ягоды еще ярче заалют на фоне чистого снега — вот тогда придет пора и полакомиться. Ну а пока... пока можно только любоваться.

Нет, день сегодня все-таки непронаций: калинка порадовала.

Николай МАРИХИН
Белая Холуница
Кировской обл.

А ЧТО У ВАС?

Рудольф АЛФИМОВ.
Фото автора
и Владимира ВАСИЛЬЕВА

ПРИЧЕСОК МАРШ-ПАРАД

Еще древнеримский писатель и философ Плуций сказал: «...прическа имеет такое большое значение, что в какое бы в золоте с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете ни разукрасилась, если не привела в порядок свои волосы, убранной называться не может...»

До нас, к сожалению, дошли лишь крохи истории парикмахерского искусства древних. А они знали в нем толк. В этом легко убедиться, если взглянуть на скульптурные изображения, живопись, рисунок. Очевидно, что перед женщинами тех далеких времен, так же, как и сейчас, стоял этот злободневный вопрос: «Как стать красивой?» Иначе зачем египтянкам понадобилось красить волосы хной или обесцвечивать их? А они уже тогда продельвали это мастерски. К тому же они умело завивали волосы, используя всего лишь металлический стержень — «каламис». С большой элегантностью они украшали себя золотыми и серебряными налобными обручами, диадемами, вплетали в волосы ленты, цветы. Уже тогда существовали парики. Прически были величественными, и египтянки с достоинством их носили. А женщины Древней Греции в отличие от египтянок одевались и причесывались гораздо демократичнее, что соответствовало укладу этой страны. Наиболее распространенной была прическа, когда волосы собирались в красивый пучок на затылке. И совсем иной стала она во времена Римской империи и ее наивысшего расцвета. Тогда парикмахеры дали волю своей бурной фантазии, начали применять дополнение из волос — локоны, шиньоны и тому подобное.

И наконец, обратим внимание на вторую половину XVIII века, которая потрясла мир «грандиозностью» причесок. Да и мы сейчас с удивлением смотрим на портреты дам, на головах которых были сотворены из волос корабли, башни, корзины с фруктами. Такие сооружения создавались на специальных металлических каркасах. Прическа — отражение времени, его стиля, а в то время в архитектуре, живописи, мебели и в одежде господствовали барокко и рококо. Парикмахерское искусство, очень чувствительное к малейшим переменам, не могло не отдать дань такому мощному течению.

Но подлинно революционный переворот в парикмахерском деле произошел сто лет назад. Тогда француз Марсель предложил шпиль для горячей завивки. А спустя двадцать пять лет немец Настле изобрел завивку, сохраняющуюся в течение шести месяцев, или перманент. Перманент потребовал короткой стрижки. Она раскрепощала мастера, давая ему простор для действий. Начинаясь XX век с его ускоренным ритмом, бурным техническим прогрессом, требовавший конструктивных решений одежды, а следовательно, новых линий в прическах.

Мы сами свидетели быстротечности модных причесок. Вернемся на десять — пятнадцать лет назад и вспомним, как одна прическа сменяла другую: «горка», «начес», «Бабетта», «Гаврош», «паж» и так далее. Кажется, что предложения

модельеров должны иссякнуть, а они и по сей день создают и предлагают новое, новое, новое... Экзаменом этому новому и служат конкурсы.

Профессиональные конкурсы парикмахеров всегда праздничны и фееричны. В залах, где они проводятся, свободных мест не бывает. Конкурсы привлекают болельщиков и зрителей, вероятно, потому, что и те и другие как бы становятся соавторами, соучастниками создания прекрасного.

Всесоюзный конкурс парикмахеров и косметологов собрал в Ташкенте почти двести участников. Перед Дворцом спорта, где проходил конкурс, расположился маленький оркестрик народных инструментов. Музыканты были одеты в национальные костюмы. У двух в руках длинные трубы — карнай, которыми они оповещали округу о начинающемся празднике. И он состоялся, и он удался.

Понимаю, что, глядя на эти фотографии, сделанные на последнем конкурсе, у вас возникнут вопросы: как самим сделать такие прически? Все ли они практичны и приемлемы?

Спросим об этом известного столичного женского мастера из салона «Чародейка», что на Калининском проспекте, участника различных международных конкурсов Ирину Николаевну Гаврилову. (Кстати, ее дочь, которая работает дамским мастером, была победителем всесоюзного конкурса.)

— Повседневная прическа должна быть простой, удобной и практичной. Другое дело, вечерняя или нарядная для торжественного случая, театра, ресторана, встречи с друзьями. Здесь в пределах разумного можно пофантазировать.

А теперь позвольте предложить маленький эксперимент. Посмотрите внимательно на фотографии. Выберите любую прическу. Нет, не для себя, для лучшей подруги. Выбрали? Теперь «наденьте» ее на подругу. Не получается что-то? Может, у ее лица не тот овал, оно чуточку удлинненное? Конечно. А попробуйте эту же прическу примерить другой подруге. Уже лучше, но вас снова что-то не устраивает? Хотите немножко поделать здесь и вот здесь. Нет, не то. А вы уже успели пересмотреть весь ее гардероб и не нашли ни подходящего платья, ни костюма! А что, если вам позавидовать эту прическу? Ну, конечно. — словно для вас. Но из груди вздох сожаления? Понятно — надо идти на работу, а прическа слишком нарядна!

Но не торопитесь отказываться от наших конкурсных моделей. Они еще сослужат вам добрую службу. Мы убедились, что нельзя прически копировать слепо. А что, если призадуматься и взять для своей прически какие-то или какую-то линию из этой модели? Может быть, что-то позаимствовать из второй и даже из третьей? Очень разумно. Так всегда и поступайте. Вот видите, конкурсы оказываются, имеют и практическое значение. Помните, как нет одинаковых лиц, так и не может быть и «прически для всех». Прическа всегда индивидуальна и обязательно должна быть модна!

— Что же модно сегодня, Ирина Николаевна?

— Большое влияние на моду как в одежде, так и в прическах оказала Московская Олимпиада. Moda помолодела. Художники-модельеры стремились к тому, чтобы прически были более простыми, практичными, удобными. Они взяли за основу прически с названиями «Олимпия», «ветерок», «гарсон», которые делаются из очень коротких, средних и более длинных (до плеч) волос. Сразу замечу, что те девушки, которые ходят по улице просто с распущенными волосами, наподобие героини фильма «Колдунья», заблуждаются в том, что это красиво: это не прическа, а просто расчесанные после вечернего туалета волосы.

Мы считаем, наиболее модны волосы средней длины с завитком. По-прежнему модна стрижка, выполненная точным методом «сесон», а также прически из коротких, но гладких волос.

В моду вошла химическая завивка без последующего накручивания волос на бигуди. «Сесон» и химическая завивка хороши для женщин всех возрастов. Эти прически практичны тем, что не требуют много времени для повседневного восстановления их. Главное здесь то, что через полтора-два месяца надо повторить стрижку, так как она играет решающую роль. Профессиональная стрижка важна и для красивой прически из длинных волос. Запомните, что стрижка здесь то же, что раскрой ткани для платья. Длинные волосы требуют и большего ухода.

Если мы заговорили о длине волос у женщин, то скажем несколько слов и для мужчин. Длинные волосы ушли в прошлое. Они и раньше не вызвали положительных эмоций. Ребят с такими волосами мы всегда называли «мальчики среднего рода». Длина волос у мужчин должна быть ограничена воротничком рубашки, уши прикрыты наполовину и совсем нет бакен. Вновь моден «ежик», по-прежнему модны проборы и полупроборы. А вот и новинка: окраска волос у мужчин с химической завивкой. А почему бы и нет? Этот вид услуг мы начинаем предлагать в наших салонах все шире, и он находит поклонников.

Но вернемся к прекрасному полу и дадим несколько практических советов.

Следить за волосами, ухаживать за ними надо уметь. Например, мыть их желательнее только шампунями, потому что мыло оставляет на волосах неприятный серый налет. Чтобы волосы приобрели «живой» оттенок, приятный блеск, можно безбоязненно пользоваться эмульсиями. Это лондонитал, субрина, субрина-плюс, лецитин. Изменить цвет волос можно, используя оттеночные шампуни — лондатоны, ирисы. Но ни в коем случае нельзя применять сильнодействующие средства (например, блондо). Они омертвляют волосы, придают им неприятный соломенный цвет.

В заключение хочу сказать юношам и девушкам: смотришь в зеркало чаще, внимательнее и самокритичнее. Постарайтесь в нем увидеть свои недостатки, которые природа допустила второпях. А при помощи волос, которые она вам подарила взамен, скрывать их.

Но это, напоминаю еще раз, — большое искусство.

Со старшим научным сотрудником Ленинградского музея истории религии и атеизма, кандидатом искусствоведения **Яковом ШУРЫГИНЫМ** беседует наш специальный корреспондент **Василий КОНДРАТЬЕВ**

— Начать нашу беседу, Яков Ильич, о взаимоотношениях религии и искусства мне хочется с письма в редакцию. Вот что пишет ленинградец Александр Цветков: «На днях я побывал в Эрмитаже. И, охваченный трепетным чувством, внимал дорогим моему сердцу образам. Среди них — созданный кистью великого Леонардо безупречно чистый профиль богородицы с ее едва уловимой скорбной улыбкой и задумчивым взглядом. И исполненная возвышенной строгости мадонна Конестабиле... Да разве можно перечислить все, что вводит в галерею шедевров, написанных на религиозные сюжеты, притом, к вашему сведению, искренне веровавшими людьми?! Да, в целом религия вредна. Но ведь в чем-то она и полезна. Именно религия способствовала прогрессу искусства, поскольку вдохновляла художников, подсказывала сюжеты будущих творений. Церковь же поощряла мастеров прекрасного, оказывая им внимание и поддержку... Разве не так?»

— Автор письма ссылается на историю искусства, я тоже обращаюсь к ней. И напомним, что в первые века становления христианства вокруг вопроса «Быть или не быть искусству в культе новой религии?» шла острейшая внутрицерковная борьба.

Один из идейных отцов раннего христианства, Тертуллиан, утверждал: живопись и театр — это — «дьявольский обман» и «наваждение, мешающее видеть бога». К сожалению, этот тезис не раз воплощался в жизнь. Тысячи античных ценностей навсегда утрачены для человечества. Виною тому не время — их уничтожили сторонники христианства. И более поздняя эпоха изобилует подобными примерами. С благословения и при участии церкви велось на Руси преследование народных актеров — скоморохов.

Не менее жестоко обходилась церковь с неудобными ей творениями даже на религиозные сюжеты. Их выбрасывали в подвалы, сараи, сносили в кладовые, которые так и назывались — рухлядные. В подмосковном селе Алексеевское был «заточен» в церковном подвале иконостас, выполненный выдающимся русским живописцем Симоном Ушаковым и его учеником Никитой Павловцевым. Все до единой иконы погибли.

— Конфликт церкви с искусством теологи нередко пытаются представить лишь как досадную историческую случайность. В этом есть своя логика, поскольку и в религии и в искусстве путь к разуму лежит через фантазию, чувство...

— Только изображения получают разные. Одно — в нормальном зеркале, другое — в кривом.

Религия требует безоговорочного признания истинности своих мнимых изображений. Именно мнимых, ибо по сей день вероучение церкви особо не изменилось. Да и не могло измениться, ведь «прогресс» и «религия» — понятия несовместимые.

Впрочем, судите сами.

Не так давно «Журнал Московской патриархии» поместил на своих страницах фотографию скульптурного изображения преподобного Нила Столбенского. Кем же был этот праведник, которого православная церковь и в наши дни считает чуть ли не идеалом для верующего?

Всю свою жизнь Нил посвятил отшельничеству. Отрешившись от земных радостей и забот, он провел дни свои в изнурительных постах и молитвах. Уединился на безлюдном острове. И в своем аскетизме дошел до абсурда: дал обет спать сидя, опираясь на крючья, вбитые в стену. Так и просидел всю жизнь... И за этот «подвиг» во имя бога был причислен к лику святых.

Если верить преданию, это было в XVI веке. Но церковь и сейчас напоминает пастуха о Ниле Столбенском — вот, мол, у кого кротости да смиренности стоит поучиться! Напоминает, заметьте, в век освоения космоса и расшифровки тончайших молекулярных структур. Но на то она и церковь...

В КРИВОМ ЗЕР

Иное дело — искусство, которое возвышает нас до образа, утверждающего жизнь, противоречивую и многосложную. Этому-то естественному стремлению в художественном творчестве церковь всегда противоборствовала.

— И все же сколько создано произведений на религиозные сюжеты! Значит, церковь стремилась сделать искусство своим союзником?

— Чтобы пополнить число приверженцев новой религии, церковь пыталась утверждать свое учение с помощью художественных образов. Этот взгляд на цели искусства выразил византийский богослов, поэт и музыкант Иоанн Дамаскин. Он адресовал братьям по вере напутствие: «Если к тебе придет один из язычников, говоря: покажи мне твою веру... ты отведишь его в церковь и поставишь перед разными видами святых изображений».

«Священные» тексты были практически недоступны для безграмотной бедноты. К примеру, как человеку, не искушенному в богословских премудростях, осмыслить догмат троичности божества: «Бог един, но в трех лицах»? А вот всмотрись в изображение на иконе — и вроде бы все становится ясным... Искусство стало для церкви своего рода ключом к приобретению массы к вероучению. Перед ним ставилась задача: исключить из сознания верующего все явления действительности. С этой целью — создать особый вид искусства, чуждый всему мирскому, — церковная верхушка разработала канон, которому призваны были следовать и композитор, и архитектор, и

живописец. Казалось бы, канон должен был лишить художников индивидуальности. Искусство свелось бы тогда к галерее однотипных и безликих образов. Но так не случилось. Ведь идеал искусства — реальный, земной, человеческий.

Русский инок Андрей Рублев в ликах святых донес до нас характеры своих современников. Более того, в произведениях церковного искусства пропагандировал передовые общественные взгляды.

Пример тому — знаменитая «Троица», в основу которой положен ветхозаветный сюжет. Отойдя от традиции, художник пренебрег детальным описанием трапезы библейских персонажей, поместил в центре только чашу — символ искупительного страдания, но также и мира, всеобщей гармонии. Вписанная в круг композиция, удивительная согласованность и плавность всех линий, рождающая при дальнейшем восприятии почти музыкальный эффект, — все это символизирует веру автора в возможность разумных основ общественного устройства. Не случайно храм Троицы, где находилась знаменитая икона, по свидетельству современников, был воздвигнут, «дабы побеждался страх перед ненавистной разделенностью мира...».

Эти настроения были созвучны прогрессивным взглядам самого Рублева. Он творил, когда Русь пребывала в раздробленности, и великий иконописец использовал религиозное искусство как форму глубоко мирской социально-этической проповеди.

А только ли он, Рублев!.. Рафаэль и Леонардо да

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

гией. Мне кажется, что «Мадонна Литта», как и любой шедевр, более органично вписывается в галерею Эрмитажа, чем в оформление храма. Именно в Эрмитаж и привело автора письма «трепетное чувство»...

— ...Я бы добавил: глубоко нерелигиозное по своей природе.

Пойдя на компромисс с искусством, церковь довольно умело использует его для психологической обработки верующих. Богослужение, которое в православии называют торжественно и чуть загадочно — «храмовое действо», объединяет целый комплекс искусств. И архитектуру, и живопись, и пение, и театрализованные ритуалы...

Блещающая каким-то особым светом позолота икон, лики святых на росписях стен, призрачное мерцание лампад, высокие и чистые голоса в хоре... Согласитесь, у человека впечатлительного в столь необычной обстановке может родиться ощущение приобщения к чему-то сверхъестественному.

Но не только на эстетов и любителей старины делает ставку современная церковь. В погоне за душами она модернизирует культ, пытается приспособить его к достижениям века. В крупных западных городах возводятся устремленные ввысь сооружения из стекла и бетона — католические храмы. А в молитвенных домах звучат религиозные песнопения в стиле «рок»...

Все это, вызывая у человека идейно незрелого интерес к религии, способно натолкнуть на размышления о ее полезности. Тогда как в действительности многочисленные попытки церкви обновить культ — лишь свидетельство ее слабости, приспособленчества. Если пришедший в храм испытывает глубокое и необычное впечатление, принимаемое порой за «откровение», истоки его кроются не в религии, а в искусстве, воздействующем на чисто земные наши чувства.

— Не все еще пропагандисты научного атеизма умеют подвести аудиторию к пониманию этой простой вроде бы истины. Ссылаются, притом справедливо, на сложность проблемы. Что же может послужить им подспорьем?

— Искусство. Оно не раз выступало против религии. Не раз разоблачало церковные сказки о неземном рае.

Но не буду голословным. Загляните в музей и остановитесь у репинского полотна «Отказ от исповеди перед казнью», развенчивающего образно и просто идею религиозного утешения. Кстати, побудило художника к написанию картины стихотворение, помещенное в подпольном журнале «Народная воля». Вот его строки:

*Уйдите, батюшка...
Я прожил жизнь бойцом!
Я и умру таким,
Смеясь в лицо врагу,
Проклятья посылая!*

Перед личностью, готовой во имя идеала к борьбе и смерти, блекнет фигура зовущего к покаянию священника. Христианство — это «рабство, это смиренное самоубийство всего, что есть лучшего и самого дорогого и самого высокого в человеке...». Так писал художник Владимиру Васильевичу Стасову.

— Но, согласитесь, лишь в редких случаях шедевры мировой живописи, доступные далеко не всякому, могут служить наглядным пособием пропагандиста. К тому же каждую лекцию в картинной галерее или, скажем, выставочном зале не проведешь.

— А слайды, книга, кинолента?.. Взять хотя бы телевизионный фильм Сергея Бондарчука «Овод», поставленный по мотивам знаменитого романа. К слову, книга Войнич в чем-то созвучна репинскому полотну, поскольку убеждает в том же — иллюзорности таинства церковного покаяния, которое обезличивает человека, формируя чувство полного отречения от своего «я».

Помните эпизод в самом начале фильма? Наивный студент Артур Бертон (еще не Овод), робкий, сомневающийся, открывается в сокровенном отцу Карди и признается, что принадлежит к «Молодой Италии». Вскоре Артур и его товарищи были арестованы.

А вот финальная сцена. Над умирающим Оводом склонился кардинал Монтанелли. Овод, приподнявшись, широко открытыми глазами взирает на распятие, а потом отталкивает его.

Тут — зримое столкновение пламенного борца с холодным символом христианской религии. Столкновение бескомпромиссное, жестокое: кровавый след мы видим на лице Христа. И явственно слышим ироническую фразу умирающего Овода: «Падре... ваш бог... удовлетворен?»

Это две исповеди, начало и завершение духовной эволюции борца. А между ними целая жизнь...

Конечно, одного знакомства с антиклерикальными произведениями мало. В концертном зале нужно пытаться проникнуться эмоциональной глубиной баховских кантат. В музее-квартире писателя — попытаться представить обстановку, в которой он открывал новые грани характеров своих героев...

— Вспоминаю, как в комитете комсомола одного из профтехучилищ экскурсию в музей-квартиру Достоевского с опаской вычеркнули из плана. Раз писатель считал религию внутренним путеводителем, осветившим его творческий путь, значит, скользкая тема.

— А по-моему, жизнь Достоевского лишней раз убеждает: даже таким глубоко религиозным художникам, как он, вера не давала душевного покоя. Вот слова одного из его героев, которые можно с полным правом отнести и к самому автору: «Меня всю жизнь бог мучил». Какой удивительно точный глагол! Мучил — стало быть, не давал ответа на важнейшие вопросы бытия. И был истоком сомнений, граничивших с безбожием. Напомню замечание тонкого аналитика творчества писателя Стефана Цвейга: «Достоевскому нужен бог, но он его не находит...». В произведениях писателя слышатся то и дело перебивающие друг друга голоса героев-оппонентов, стоящих на противоположных позициях в вопросе о боге — Раскольникова и Сонечки Мармеладовой, Версилова и Макара Долгорукова, Ставрогина и Шатова... Где же авторский голос? Он вечно мечется между полюсами веры и неверия.

В романе «Бесы» на вопрос Ставрогина: «Веруете вы сами в бога или нет?» — Шатов отвечает: «Я... буду верить в бога». В этом неуверенном «буду», сказанном в одном из самых тенденциозных произведений Достоевского, обличающем, по первоначальному замыслу, революционное движение и атеизм, — мучительные переживания автора. Достоевский помимо своей воли вступил в спор с богом, спор напряженный и дерзкий, и вопрос о существовании самого всевышнего так и остался для него открытым.

Наивно полагать, что знакомство с жизнью религиозного художника — аргумент в пользу веры. Как и нелепо утверждать: коль скоро какой-то деятель искусства вел борьбу с религией, так из его бывшей квартиры посетители непременно выйдут атеистами. Важно понять, что в художнике-атеисте привело его к разрыву с верой, а в верующем — подогрело его мистические интересы.

— Яков Ильич, ежегодно в ваш музей приходят тысячи посетителей. Приходят, чтобы разрешить сомнения, получить ответ на наболевший вопрос. Ведет музей и обширную переписку. Чем музей истории религии и атеизма может помочь тому, кто захочет самостоятельно разобраться в проблеме соотношения искусства и религии?

— Сейчас наши возможности значительно расширились — открылась новая экспозиция. В ней представлены произведения большой художественной ценности. Группа сотрудников завершает работы по реставрации иконостаса Рождество-Богородицкого придела, живопись которого выполнена для Казанского собора в начале прошлого века крупнейшими художниками — С. А. Бессоновым, В. Л. Боровиковским, А. И. Ивановым, Г. И. Угрюмовым... Знакомство с этим уникальным экспонатом позволяет проследить характерную черту в развитии русской иконописи — ее неизбежный кризис, связанный с разрушением канона. Будущий посетитель обратит внимание и на изображение святой Екатерины, которая подкупает своей женской обаятельностью. И на Иоанна Богослова, лишнего традиционного мистического ореола, — это земной странник, углубившийся в страницы книги...

Так искусство, казалось бы, религиозное, служит действенным средством атеистического воспитания. Оно помогает понять подлинную сущность религиозного культа, утратившего свои корни в современной действительности.

Религия и поныне паразитирует на искусстве. Искусство же — вечное, мудрое, возвышающее человека до идеалов Красоты и Добра — в религии не нуждается.

КАЛЕ

Винчи, на религиозность которых так настойчиво ссылается автор письма, создавая своих мадонн, пели гимн материнству и женской красоте. Ведь прототипы мадонн — простые женщины.

Засилье церкви не могло остановить прогресса в искусстве: религиозные сюжеты порой были лишь формальным предлогом к созданию образов, исполненных земной правдивости. Иоганн Себастьян Бах в своих «Страстях по Матфею», по существу, отказался от сухой евангельской притчи. По настоянию композитора либреттист Пикандер ввел в художественное повествование много лирических отступлений, поэтических вставок. И глубоко реалистическое творение получило резкую оценку религиозных догматиков. Совет церкви святого Фомы на одном из своих заседаний выразил свое отношение к лейпцигскому кантору с предельным цинизмом: «Изменения необходимы, надо, наконец, с ним покончить...»

Во всей истории взаимоотношений искусства и религии прослеживается закономерность: произведения, где «очеловечивание» религиозных героев переходило дозволенные каноном пределы, церковь встречала резко отрицательно. Патриарх Никон на соборе в 1654 году угрожал анафемой всем, кто будет писать или держать дома фряжские иконы, выполненные в реалистической манере. Но и этого Никону оказалось мало. В ярости выкалывал он глаза святым на таких иконах. Разбивал их об пол Успенского собора, приказывая зарыть обломки в землю.

— Пожалуй, в этом примере почти физическое воплощение конфликта между искусством и рели-

КАРСКИЙ ПРОРЫВ

Огрешенная неподвижность Неустроева мгновенно взрывалась вспышками яростной увлеченности, и тогда он начинал говорить—бурно, путано-длинно и все-таки прекрасно:

— Безжизненность Полярного бассейна—вздор! Трусливый вздор бескрылых людей! Жизнеспособности аборигенов мы можем только завидовать! Тысячелетия назад они вышли из недр Азии и расселились через далекий Север на американском континенте. Для них остались неоткрытыми колесо и порох, и только банды Кортеса связали их снова с цивилизацией. Болезнами! Спиртом!..

Шестаков сидел молча, курил махорку, слушал с интересом, иногда посмеиваясь про себя.

Потом, чтобы подразнить Неустроева, спросил:

— Может быть, в те времена иное было невозможно?

— Как невозможно?!—закричал, захлебнувшись возмущением, Неустроев.—Я заявляю вам твердо—а существо вопроса мне хорошо известно: пионеры российского открывательства, мореплаватели и купцы, никогда не осквернили памяти о себе теми злодеяниями, что совершались под эгидой католического креста!

— Для настоящего освоения Севера нужна возвышенная нравственная идея!—горячо продолжал он.—Такая идея вела братьев Лаптевых, Челюскина, Беринга...

— А как бы вы сами, Константин Петрович, сформулировали эту идею?—спросил Шестаков.

Неустроев испепеляюще полыхнул голубыми неистовыми глазами:

— Люди сильные должны раздать неслыханные богатства Севера людям слабым!

Шестаков смотрел на тщедушного впадогрудого профессора, не скрывая любопытства.

— Давайте, Константин Петрович, попробуем вместе!—вдруг предложил он гидрологу.

Неустроев усмехнулся:

— Со мной?.. Пожалуй! Но остальных людей экспедиции вы погубите.

— Не-а,—упрямо покачал головой Шестаков.—Мне нужен отряд сильных, знающих людей. С ними мы привезем голодающим самое главное богатство—хлеб...

— У нас нет судов, нет обученных экипажей, нет топлива!—снова взорвался Неустроев.—Не забывайте, что территория, прилегающая к Северному морскому пути,—это гигантский и довольно пустынный район протяженностью ни много ни мало семь тысяч километров! Если экспедиция не обернется за одну навигацию—все погибнет!

— Дорогой Константин Петрович, мы не можем не обернуться за одну навигацию. Иначе здесь погибнут десятки тысяч людей...

Неустроев грустно улыбнулся:

— Но ваше желание спасти их не может быть сильнее Арктики. Вы плавали в Полярном бассейне?

— Нет.

— В том-то и дело. Это самая неукротимая стихия на Земле. И она сломала немало энтузиастов.

Шестаков пожал плечами:

— Я не плавал в Полярном бассейне, но я брал Шенкурск. В сорокаградусный мороз, по снегу голодные люди волокли на себе пушки. И стихия не могла их сломить. И Арктика нас не ломает. С вами или без вас, но осенью хлеб будет в Архангельске...

— На чем же вы строите свою уверенность?

Шестаков расстегнул карман френча, достал сложенный вчетверо лист бумаги:

— Это телеграмма в Наркомпрод из Архангельского губернского исполкома. «Положение губернии отчаянное. Пять уездов абсолютно голодают. Запасы исчерпаны. Отступающие белогвардейцы вывезли

остатки продовольствия. Неввоз хлеба Мурманск, Печору, Мезень грозит смертью...»

Неустроев взял в руки телеграмму, перечитал ее, грустно покачал головой.

Шестаков горячо продолжал:

— Мой долг моряка и большевика предписывает мне спасти голодающих или ...погибнуть вместе с ними.

Неустроев развел руками, немного растерянно спросил:

— Чем я могу быть полезен?

Шестаков удивился:

— Как «чем»? Вы один из старейших арктических капитанов, у вас богатейший опыт ледового плавания. Вы ведь служили еще на «Ермаке»?

Неустроев кивнул:

— Да, я имел честь быть старшим офицером на судне, когда им командовал Степан Осипович Макаров.

Шестаков заметил льстиво:

— Вы прекрасный гидролог, Константин Петрович! Я знаю, что еще в морском корпусе гардемарины учились по вашим учебникам...

— Не надо слов,—махнул рукой Неустроев.—У меня вопросов больше нет.

Послышались легкие шаги, и в кабинет вошла высокая молодая женщина в темном платье с белым воротничком. Она сдержанно поклонилась Шестакову.

Неустроев представил:

— Познакомьтесь, пожалуйста, Николай Павлович, с моей дочерью Еленой.—Он повернулся к дочери и с неуверенной извиняющейся улыбкой добавил:—Леночка, это комиссар Шестаков. Мы...

— Прости, папа, вы так громко... Короче—я в столовой слышала весь ваш разговор. Когда мы едем?

Шестаков внимательно посмотрел на нее: сильная гибкая фигура, твердые серые глаза, и вежливо ответил:

— Елена Константиновна, мы с вашим отцом отправляемся в Архангельск сегодня ночью.

Непринужденно прислонясь спиной к резному, мореного дуба книжному шкафу, Елена спросила:

— Мы едем только вдвоем?—«Мы» прозвучало недвусмысленно.

Еще вежливее Шестаков пояснил:

— Мы едем вдвоем: ваш отец, мой помощник Иван Соколов и я.

Серые удлинненные глаза Елены влажно заблестели, и Шестакову показалось, что она сейчас заплачет. Но голос ее был сух и непреклонен, когда она сказала:

— Значит, вчетвером.

И Шестаков увидел, что у нее хоть и маленький, но очень упрямый подбородок.

Лицо Елены, совсем еще девчоночье, задумчиво улыбающееся, с мечтательными продолговатыми глазами, было освещено желтым мигающим светом копилки. Потускневший, обтрепанный по краям фотоснимок. Стершиеся на полях золотые вензеля, орлиные печати, чуть видное факсимиле «ФОТОГРАФИЯ БРОИДЭ. ПЕТЕРБУРГ. 1914 ГОД»... Фотография лежала на пустом снарядном ящике, который использовали вместо стола. Рядом были разложены какие-то документы, на грязном вафельном полотенце поблескивали ордена—Владимир, Станислав, Георгий, медаль «За храбрость», французский «Почетный легион».

Чаплицкий бегло просматривал бумажки и большинство тут же сжигал на вялом пламени копилки. Покончив с этим делом, он взял с ящика револьвер, ловко разобрал его и четкими, привычными движениями принялся чистить.

Из серой мглы тьмы пакагуза, в которой угадывались силуэты еще нескольких человек, как диковинная донная рыба выплыл в освещенный

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

копилькой круг прапорщик Севрюков, опухший, черный, подмороженный. Зябко обнимая себя за плечи, он долго смотрел на занятия Чаплицкого, а когда тот, вытерев чистой тряпичкой затвор, начал смазывать его, прокаркал:

— Эт-та... На что вам эта игрушка, ваше благородие?

Чаплицкий поднял на него глаза, чуть заметно улыбнулся и сказал доброжелательно:

— Это, почтеннейший Севрюков, не игрушка. Это револьвер «лефшо»—семь патронов, в рукоятке—нож, а на стволе—кастетная накладдка.

Севрюков поморщился:

— Французские глупости. По мне—нет стволов лучше, чем у немчуры. От маузера у противника в черепушке дырка образуется с кулак...

Чаплицкий вздохнул.

— Вы никогда ничему не научитесь, Севрюков. У вас мышление карателя. А ведь мы сидим, как крысы, в этом пакагузе...

Сжав кулаки, Севрюков заорал:

— Я вам говорил, что надо всем вместе пробиваться! Не сидели бы здесь, как крысы...

— Не кричите, прапорщик, вас и так услышат,—сказал Чаплицкий, продолжая смазывать затвор.—Что же вам помешало пробиться?

— Так они валом перли, со всех сторон,—уже виновато пробормотал Севрюков.—Было бы стволов с полсотни—обязательно где-нибудь прорвались бы... Нам терять нечего...

Чаплицкий собрал револьвер, заглянул зачем-то в ствол, сказал лениво:

— Это вам, прапорщик, терять нечего.

— А вам?—вскинулся Севрюков.

Так же лениво, нехотя Чаплицкий процедил:

— А у меня здесь родина. Россия называется. Слышали когда-нибудь о такой земле?

Севрюков истерически захохотал:

— А то! Россия! Ха! Как не слышать!

Чаплицкий поморщился:

— Я же просил вас—тихо! Если на ваши вопли появится красный патруль, придется вам опробовать маузер на собственной черепушке.

Из тьмы подошли на огонек два офицера в шинелях с оторванными погонами. Следом за ними появился, еле волоча ноги, чихая и кашляя, командир первого «эскадрона смерти» ротмистр Берс.

— Чертовский холод!—сказал он уныло.

«Над чем работает сейчас известный греческий композитор Микис Теодоракис?» — спрашивает в письме в редакцию «Смены» читатель Василий Клименко из Иркутска.

Одним из заметных событий музыкального года явилось первое исполнение новых, заключительных частей «Всеобщей песни» — эпоса на тексты Пабло Неруды, произведений, над которыми Теодоракис работает уже много лет. Премьера состо-

ялась в Германской Демократической Республике.

В одном из недавних номеров журнала «Зонntag», выходящего в ГДР, опубликовано интервью с композитором. Он делится мыслями о своем творчестве, о планах на будущее, о роли музыки в современном мире. Предлагаем перепечатку этого интервью вниманию наших читателей.

Микис ТЕОДОРАКИС
(Греция)

ВСЕОБЩАЯ ПЕСНЯ

— Ваша музыка всегда была политически ангажированной, ваши композиции неизменно связаны с традициями народной музыки. Естественно, напрашивается вывод, что вы стремитесь участвовать своим искусством в политических сражениях нашего века, оказывая воздействие на самые широкие массы людей. Как вы оцениваете сегодняшние возможности политической песни?

— Тот факт, что я всю свою жизнь посвятил народной песне, политической песне, — это и есть ответ. Я считаю, что песня в капиталистических странах является важным оружием в руках народа, борющегося за свою независимость, свободу, социальную справедливость. У вас, в социалистических странах, песня всегда с народом, строящим новую жизнь, создающим новое общество. Песня сопровождает по жизненному пути каждого человека. Песня оказывает значительное влияние на воспитание молодежи.

Американский международный империализм использует для распространения своей идеологии в том числе и превращенные в товар песни, которыми наводнены Европа, весь мир. Мы должны противопоставить этому богатство народной песни. В нашей стране, в Греции, это в определенной степени удалось. Известно, что во времена хунты песни борьбы были замечательным, действенным оружием в руках народа.

Сегодня наша песня должна соответствовать новым условиям, должна выражать прогрессивные политические идеи, овладевающие молодежью. Молодежь должна воспринимать наши песни как песни свои. Наша песня не может оставлять в стороне мотивы борьбы, чувства любви и дружбы, счастья и печали — все то, что формирует жизнь народа, жизнь людей.

— После вашего освобождения из фашистских застенков у вас на родине некоторые исполнения ваших произведений перед массовой аудиторией стали просто легендарными. Как воздействует такой невероятный резонанс на композитора, преследовавшегося столь долго официальными властями?

— После моего освобождения в 1970 году, кстати говоря, не в последнюю очередь благодаря активным действиям Неруды, который в ту пору был послом правительства Альенде во Франции, — я вначале отправился в эмиграцию, в Париж. Лишь смена власти в Греции в 1974 году позволила мне вернуться на родину. Невозможно описать, что я испытывал тогда, в те незабываемые мгновения. Тотчас же после моего возвращения в Грецию состоялись два выступления с народными оркестрами, через год были

исполнены первые части «Всеобщей песни», навеянной великим эпическим произведением Пабло Неруды.

Во время моего первого выступления я особенно отчетливо ощутил, что автор моей музыки — народ. На стадионе собралось больше 50 тысяч человек, пел огромный хор, исполнение сопровождалось удивительной хореографией: люди на трибунах двигались в ритм музыки...

— Применяемые вами музыкальные формы чрезвычайно разнообразны, их спектр — от традиционной политической песни до оратории. И всегда — элементы народной музыки...

— Оратория, народная оратория опирается на грандиозную поэтическую основу. Подлинная поэзия всегда народна. Неруда относится к величайшим поэтам нашей эпохи, но ведь согласитесь, его любит и понимает любой простой человек его страны. Стихи Неруды учат наизусть, цитируют на улицах — они стали оружием в борьбе чилийского народа.

Когда я писал музыку на тексты Неруды, я хотел показать глубокие связи, существующие между борьбой всех народов против империализма, против общего врага. Работая над первыми частями «Всеобщей песни», я хотел, чтобы она прозвучала на стадионе в Сантьяго как протест против господства хунты на моей родине. Жизнь распорядилась иначе. «Всеобщая песня» впервые прозвучала в Греции как протест

против хунты, до сегодняшнего дня господствующей в Чили... В искусстве интернациональным всегда является подлинно национальное — то, что создаешь для своего народа, становится произведением для всех народов...

Я задумываюсь над поразительными совпадениями эпизодов революционной борьбы и творчества Пабло Неруды со своими собственными жизненными ситуациями... В 1947 году Неруда был парламентарием. Происходит путч, и он оказывается на нелегальном положении. Тогда и начинается создаваться «Всеобщая песня». В то самое время в Греции бушует гражданская война. В 1947 году, как и Неруда, перешел на нелегальное положение и я... Ну, а о других параллелях и взаимосвязях я уже упоминал... Неруда-поэт — это прежде всего борец за революцию, победоносную и радостную.

— Ну, а как выглядят после прозвучавших на премьере в ГДР последних четырех частей «Всеобщей песни» ваши дальнейшие творческие планы?

— Готовлюсь к радиозаписи «Всеобщей песни» в полном объеме. Она выйдет и как собрание пластинок. Ну, и концерты... Запланированы выступления в Норвегии, Швеции, ФРГ, Бельгии, Франции, Испании... Завершена работа над новой народной ораторией, она посвящена творческим силам и энергии человека, народных масс. Уточняются сроки и маршруты большой гастрольной поездки по социалистическим странам.

**ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК
КЛУБА «МУЗЫКА С ТОБОЙ»**

МНЕНИЕ

Внимательно слежу за откровенным разговором клуба «Музыка с тобой». И мне непонятно, почему одни довольно-таки известные ансамбли — советские или зарубежные — взахлеб превозносятся, а другие, например, «АББА», огульно отменяются. У многих авторов любимые и нелюбимые группы часто меняются местами. Я понимаю, что у каждого человека могут быть свои привязанности, симпатии и то, что вызывает восторг у одного, у другого — только недоумение и даже

раздражение. Но согласитесь, что при всем разнообразии вкусов должна существовать какая-то объективная оценка, тем более в музыке.

За последнее время на молодежь прямо-таки обрушился поток разнообразнейших музыкальных направлений. Разобраться в этом потоке всевозможных стилей, а порой даже в их названиях бывает просто невозможно. И вот здесь, мне кажется, необходим серьезный разговор, профессиональный разговор, который бы сформировал эстетические вкусы молодых людей, помогал им отсеивать все наносное, быстропроходящее. О вкусах, разумеется, спорят. Но для этого необходимо хотя бы элементарное знание музыкального предмета.

С. ПЕТУШКОВА,
Воронеж

ШЛЯГЕРЫ МОДЕ НЕ ПОДВЛАСТНЫ

С композитором Алексеем МАЖУКОВЫМ
беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

— С самого начала нашего разговора, Алексей Сергеевич, мне хочется обозначить предмет, о котором пойдет речь.

Итак, шлягер—это музыкальное произведение (обычно песня), приобретающее на короткое время исключительную популярность, нередко благодаря господствующей моде, а не художественным качествам.

В этом определении, которое дает шлягеру энциклопедия, легко уловить негативный оттенок по отношению к нему. Причем главная его черта—соответствие господствующей моде—здесь выглядит как сомнительное достоинство.

Поэтому ради справедливости, я думаю, следует вспомнить, что этот музыкальный термин происходит от немецкого слова «шлаг», что в зависимости от контекста может означать и «удар» и «бой часов», и «биение сердца».

— Добавлю, что родившийся в XIX веке термин своим возникновением обязан особенно активной реакции публики на отдельные, имевшие в то время большую популярность номера венской оперетты и музыкальной комедии. Заметьте, в основу определения жанра положен критерий воздействия «Schlagkraft», что означает «ударная сила».

— Так что при желании шлягер можно образно трактовать как музыкальный боевик, который держит руку на пульсе моды.

— И тем не менее у нас это слово чаще употребляется с плохо скрываемым отрицательным оттенком, что, на мой взгляд, неверно, несправедливо да и странно.

— Вы считаете, что шлягер «обижен» незаслуженно?

— Так мне кажется. В бытующем ныне понимании этого термина подспудно проходит мысль: музыкальное произведение, популярность которого непродолжительна, вряд ли может отличаться высоким качеством. А если эта популярность завоевана благодаря господствующей моде, то уж и вовсе плохо.

А, собственно говоря, почему? Разве доказано, что мода—синоним пошлости?

Порой, чтобы отмахнуться от какой-то песни, мелодии, перечеркнуть ее достоинства, пренебрежительно роняют: однодневка. На мой взгляд, это довольно спорный критерий. У каждого музыкального произведения свои задачи. Поэтому вполне допустимо, если некоторые из них—скажем условно—живут только один день, а не сто лет. Чем, собственно, порочна установка на сиюминутность? Это как в природе: ворон, говорят, живет триста лет, а какая-нибудь бабочка—всего неделю. Зато как яркая и прекрасная ее наряд, как радует взгляд ее полет! Разве становится она безобразнее оттого, что мы знаем: ее жизнь коротка? Так и шлягер: красивая, созвучная времени мелодия радует людей, легко подхватывается.

И вот еще на какую особенность хотел бы обратить внимание. У кого-то понятие «шлягер» ассоциируется с недолговечностью: если шлягеры—значит, обязательно музыка с короткой по времени популярностью. Хотя на самом деле среди них есть нестареющие мелодии. Проходят десятилетия, а они по-прежнему притягательны. Не случайно же возник термин «ever-green»—«вечнозеленый». Меняются стили, ритмы, приемы. Эти мелодии аранжируются композиторами в соответствии с новыми направлениями, они живут и нравятся новым поколениям молодых, как в свое время нравились их бабушкам и дедушкам. Это шлягеры на все времена, золотой фонд музыки.

— Какие, например?

— Их много! Безусловно, это «Дым» Керна. «Жизнь в розовом цвете» Эдит Piaф. Многие песни Гершвина, «Капли дождя» Бохареха

Эти мелодии бесчисленное число раз перерабатывались. Их исполняли на свои лад самые разные по составу и манере оркестры, многие знаменитейшие певцы мира включали их в репертуар, стараясь показать что-то «свое». И всегда, при любой из множества трактовок эти шлягеры оставались самими собой, прекрасными мелодиями, которые поныне звучат и приняты во многих странах. И таких произведений можно назвать немало.

А наши песни! «Полюшко-поле» Льва Книппера. «Ой, цветет калина» Исаака Дунаевского и его же мелодии ко многим кинофильмам, «Катюша» Матвея Блантера. «Таига золотая» Владимира Пушкина. «Темная ночь» Никиты Богословского. «Одинокая гармонь» Бориса Мокроусова. «Подмосковные вечера» Василия Соловьева-Седого. Кстати, шлягером может стать не только развлекательная и танцевальная музыка. В широкой трактовке этого понятия свойствами шлягерности может обладать и оперный номер. Вспомним «Песенку герцога» из «Риголетто» или тему любви из оперы «Травиата» Верди, куплеты тореадора из оперы «Кармен» Бизе, хор «Улетай на крыльях ветра» из оперы Бородина «Князь Игорь».

Так что шлягер шлягеру рознь.

— Я согласен с вами, Алексей Сергеевич, но надеюсь, и вы со мной согласитесь, что известный оттенок пренебрежительности по отношению к шлягеру происходит не только оттого, что какая-то мелодия или песня сделаны на злобу дня, в угоду моде, становятся популярными на очень короткое время. Дело даже и не в том, что одни из них могут исполняться любым и каждым, а другие требуют профессиональной подготовки и поэтому не «подхватываются народом». Мне кажется, причиной всему то, что порой в шлягеры проскакивают ремесленные поделки отнюдь не самого высокого порядка.

— Но само оно как жанр при чем? Неудачными могут оказаться и опера, и симфония, и музыка для балета, и, разумеется, песня.

— С той только разницей, что неудачная опера вряд ли может рассчитывать на популярность, вернее сказать, на большую аудиторию. А вот песни... Сколько их, невыразительных, сереньких, пошловатых, порой откровенно халтурных, с успехом звучит с самых уважаемых концертных площадок, заполняет эфир, ревет на танцевальных вечерах и, что еще хуже, подхватывается молодежью, воспитывая, если можно так выразиться, антивкус.

— Согласен, такое случается довольно часто. Но чтобы успешно решать эту проблему, надо понять причины, которые ее порождают. Они гораздо серьезнее, чем это порой представляется, а мы чаще всего от них просто отмахиваемся с завидной легкостью. Шлягер? Так это музыка второго сорта.

Помните, сколько копий было поломано в борьбе с популярными в свое время песнями «Мишка», «Моя Вася», «Царевна Несмеяна»? Кажется, только самый ленивый не бросил в них камня. И что же? Несмотря ни на что, эти песни—об словами действительно ниже всякой критики—процветали. Они оставались самыми популярными всегдашними танцплощадок и уступили занятые позиции только тогда, когда на смену им пришли новые мелодии, новые ритмы, соответствовавшие новой моде. Эти и другие подобные им песенки сдались не под напором критики, а под натиском новых, более современных, для тех лет, разумеется, шлягеров.

— Не спорю, нельзя привить хороший вкус, а равно как заклеить и уничтожить модный шлягер одними погромными статьями. Согласен, что его популярность длится лишь до той поры, пока не проявится более модная мелодия. Но есть в таком рассуждении и уязвимое место. Мода быстротечна. Она, как природа, не терпит пустоты. Вся проблема в том, чем будет заполнен образовавшийся вакуум, когда оче-

редное увлечение оттеснит предшествующее. Хорошо, если новый шлягер окажется более достойным в музыкальном и поэтическом отношении по сравнению с прежним. А если наоборот?

Ваш пример тому подтверждение. Ведь были у нас и до «Мишки» мелодии и песни повыше, чем он, качеством. Но в один прекрасный момент кокетливый женский голосок вдруг возопил:

Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
полная задора и огня?

И многим это почему-то пришлось по душе. И «Мишка» стал королем танцплощадок от Бреста до Берингова пролива. Произведение сомнительных эстетических достоинств смогло вырваться в лидеры. Почему?

— Вопрос непростой. Гораздо легче понять то, что выбор средств для подобных сочинений нередко продиктован коммерческими устремлениями их авторов. А вот почему нравятся такие сочинения множеству людей—на это ответить намного труднее. Возможно, это случается потому, что простенькие, доступные для слуха мотивчики (и такого же уровня тексты) легче воспринимаются людьми, не имеющими специальной музыкальной подготовки. Людей, получивших музыкальное воспитание, как правило, не привлекает подобного рода музыка. И приходится сожалеть, что таких людей у нас меньшинство. Но именно по этой причине рассчитывать только на музыкально воспитанных и одаренных людей и несправедливо и наивно.

Было бы, конечно, замечательно, если бы о должном уровне сочинений заботились сами авторы. Тогда бы не были созданы или обнародованы только что упомянутые в негативном смысле песенные образцы. А если бы их не было, то слушателю не оставалось бы ничего другого, как слушать то, что написано более талантливо. Но такое рассуждение тоже утопично. Ведь даже автор откровенной халтуры редко считает свое детище халтурой, так что рассчитывать на самокритичный отбор не приходится.

Говорят, все гениальное просто. Но не все простое гениально. Интересно, что наряду с так называемыми «простенькими» шлягерами действительно яркие песни и инструментальные произведения увлекают порой не меньше, а быть может, даже и больше. Например, по популярности у широкой аудитории мелодия из «Крестного отца» композитора Рота успешно конкурирует с любым из прижившихся потребительских опусов. И таких примеров можно привести много. «Что было, то было» Пономаренко, мелодия «Бимбо» французского композитора Морган—без таланта такое не создашь! Но даже таланта тут мало. Для того, чтобы додуматься до таких мелодий нужно найти в себе силы, мужество, терпение, наконец.

— Как вы относитесь к попыткам так называемого осовременивания классической музыки, а также старых мелодий, в том числе и народных песен?

— Лично я ничего плохого в этом не вижу, хотя знаю, есть и противники такого метода. Мне кажется, все дело в том, насколько талантливо и интересно это делается. Известный музыкант-аранжировщик Рей Конифф завоевал всемирное признание прежде всего как автор подобных обработок. Даже в тех случаях, когда он брался за темы из классического репертуара—музыку Бетховена, Чайковского, Шуберта—он, на мой взгляд, достигал интересных результатов и никоим образом не наносил вреда первоисточнику, а в более доступной форме преподносил прелесть его мелодии.

Достаточно бережно и чутко относятся к народным мелодиям наши «Песняры», «Ариэль», «Иверия». Эти коллективы нашли свои собственные пути интерпретации русской, белорусской и грузинской народной музыки.

— Мы не отвлеклись от главной темы?

— Напротив, наш разговор логически пришел к довольно интересной ее части, так как вопрос о соотношении народных и национальных традиций, с одной стороны, и современных направлений, с другой, часто становится предметом спора музыковедов.

Порой в адрес некоторых авторов раздаются упреки, что они слишком уходят в сторону от торных путей народной песни.

Я считаю, не столь важно, какой стиль выбирает композитор, так как многообразие современной эстрадной музыки складывается из самых различных направлений. Поэтому, думаю, совсем не обязательно исповедующим стиль народной песни относиться с напряженностью к тем, кто пишет в современной эстрадной манере. И, наоборот, композиторам эстрадного направления—пренебрежительно относиться к тем, кто предпочитает народно-песенный склад. Было бы хорошо, талантливо сделано—принять можно и то и другое.

Нельзя всех причислять под одну гребенку. Сколько интересных мелодий создано Пономаренко, в чьем творчестве постоянно ощущается связь с народной песней! А его песня «Ивушка» популярна во многих странах. И в то же время если бы меня спросили, обязательна ли связь композитора, сочиняющего песни, с фольклорной основой, я бы ответил: необязательна.

Конечно, у каждого народа есть свои излюбленные интонации, и композитор не может не считаться с этим. Но вместе с тем композитору желательно хорошо ориентироваться в интонациях своего времени.

Главное — насколько актуально, творчески, изобретательно преломляются в музыке разные направления. В конце концов не жанры виноваты в том, что в них могут «окопаться» люди, более предприимчивые, чем талантливые.

— Скажите, Алексей Сергеевич, можно заранее предугадать, станет песня популярной или нет? Другими словами, можно, выражаясь модным словечком, «вычислить» будущий шлягер?

— Наверное, нельзя. Во всяком случае, непросто.

— А у вас были шлягеры?

— Песни «Все до поры», «Очень хорошо», «Наташа», «Наша биография», «Музыка любви», «Желтоглазая ночь» достаточно известны.

— И что же, каждый раз вы заранее не чувствовали, что песня «пойдет»?

— Нет! Ведь мы, композиторы, лучше, чем кто другой, знаем, что успех песни зависит не только от ее создателя.

— От кого же еще?

— Коротко: от целого ряда людей и обстоятельств. Прежде всего новая песня должна оказаться созвучной времени. Допустим, это можно, как вы выразились, «вычислить». В то же время новинка должна быть достаточно яркой, чтобы выделяться на фоне других песен. Нужен хороший исполнитель, оркестр, ансамбль, должный уровень записи, наконец.

— А еще от чего зависит успех?

— Скажем условно, от «проката», то есть от частоты исполнения. Радио, телевидение, грамзаписи являются главными популяризаторами новых музыкальных произведений. Я имею в виду не только те передачи, которые специально знакомят слушателей с новинками, но и самые обычные, где музыка играет роль сопровождения.

То же самое можно сказать и о концертных залах, эстрадных площадках, дворцах культуры, клубах. Здесь тоже частота исполнения не всегда соответствует качеству произведения. Случается и наоборот.

— Но тогда получается порочный круг. Если повышенный «прокат» можно достигнуть не только высоким качеством музыкальных произведений, но и каким-то другим способом, то не исключено, что может возникнуть искушение тратить свои силы не на творчество, а на «поиски» этих способов, на налаживание «деловых контактов». И тогда оборотистость может взять верх над талантом, а серые модные поделки над искусством?

— Вот мы и пришли к исходной точке: к проблеме оценки шлягера.

— На ваш взгляд, она разрешима?

— Хочу в это верить. Может быть, надо выработать новые критерии и создать новые организационные формы для объективного сравнения и оценки музыкальных произведений.

Тут необходимо думать сообща.

Возможно, этому помогут регулярные конкурсы на лучшую песню года или месяца. Или фестивали новых, ранее не исполнявшихся произведений, которые, может быть, следует представлять под девизом, чтобы имя автора не довлело над решением жюри. Пожалуй, произведениям-победителям следует предоставить «статус наибольшего благоприятствования»: допустим, в течение первой недели или месяца после конкурса исполнять их по радио и телевидению чаще других, чтобы на их примере показывать, что ныне признано и современно.

— Другими словами: да здравствует шлягер?

— А почему бы и нет?

ПРИЗ «СМЕНЫ» — ПЕВЦУ ИЗ ФРГ

Ему тридцать лет. Спокойный, симпатичный, доброжелательный парень. Его обаянию поддаешься сразу, и, может, поэтому к нему как магнитом тянуло журналистов, аккредитованных на VII фестивале «Красная гвоздика» в Сочи.

Бернд Кёллер, певец из ФРГ, приехал на «Красную гвоздику», чтобы поделиться своей тревогой за судьбу мира, рассказать об этом языком песни, звучащей яростным протестом против опасности новой войны, бешеной гонки вооружений, против неонацизма.

Пять стал лет в семнадцать. Тогда, уча в художественном училище, примкнул к самодеятельному ансамблю, исполнявшему музыку в стиле «скифф». Ребята пели песни Боба Дилана, Джона База и других, в основном зарубежных авторов. Нужен был человек, умеющий делать художественные переводы текстов на немецкий язык. Этим занялся Бернд как наиболее подготовленный в группе. Вслед за переводами появились и собственные стихи. Был конец шестидесятых годов, когда в ФРГ и по всей Европе поднялась волна молодежного движения, так что недостаток в актуальных темах для стихов не было. Там же, в ансамбле, его научили играть на гитаре, с которой он не расстается по сей день. Вскоре в репертуар ансамбля вошли песни, написанные самим Берндом. Ребята выступали перед школьниками, студентами, молодыми рабочими. Первым большим событием в своей музыкальной жизни Бернд считает участие в традиционном фестивале авторской песни в местечке Вальдхек в 1969 году. Сюда, в живописный старинный замок, съехались музыканты различных направлений и стилей. В тот год под дружными сводами звучали песни политического содержания. Там Бернд встретился с одним из ведущих рабочих певцов Германии, Дитером Зиоверкрипом.

В 1971 году Кёллер вступает в Германскую коммунистическую партию. С этого момента вся его творческая жизнь подчинена делу партии. Он оформляет партийные газеты и журналы, выставки, рисует плакаты. Выступает с ансамблями и сольными концертами во время маршей мира, федеральных выборов, в партийных ячейках, в молодежных клубах, на профсоюзных собраниях.

В 1977 году Кёллер организует трио политической песни, которое просуществовало полтора года. «Потом все участники пошли своими творческими дорогами», — поясняет Бернд. Продолжая традиции Ганса Эйслера, современных латиноамериканских певцов, используя достижения современной рок-музыки, трио создает новую политическую песню-плакат, национальную по форме, остролюбодневную по содержанию.

В январе 1980 года Кёллер — среди организаторов нового общественного движения «Рок-музыка против правых». Это движение явилось общей политической платформой для музыкантов различных взглядов и направлений. Главная его цель — привлечь молодежь к борьбе против гонки вооружений, активизации неонацизма, за мир и демократию.

Одна из важнейших задач, стоящих перед политическими певцами в Федеративной республике, — борьба за свою аудиторию. «Какое влияние на людей оказывает коммерческая музыка, вы знаете», — говорит Бернд. — И теперь представьте, в какой обстановке приходится работать нам, когда все средства массовой информации многократно усиливают

эту «музыку» и вдалбливают в души людей. На радио и телевидение дорога нам практически закрыта. Чтобы записать свой «миньон», мне пришлось платить большие деньги, а зарабатывает политический певец отнюдь не как эстрадная звезда. Но все же людям надоедают бездумные шлягеры, и они хотят слушать песни, захватывающие своим содержанием. Многие певцы, выступавшие в развлекательном жанре, приходят к политической песне, среди них — известный певец и композитор Ханес Вадер. Конечно, они теряют выгодные контракты, уходят с телеэкранов, но зато их песни делаются нужными людям, они получают свою преданную аудиторию.

Бернд Кёллер считает, что главное в его песнях — личное отношение к общественным событиям и чем быстрее он откликнется на происходящее, тем большее воздействие окажет песня. Вот один небольшой пример. Когда в Никарагуа шла война между восставшим народом и сомосовской диктатурой, по телевидению ФРГ показали документальный фильм о гибели американского журналиста Уильяма Стюарта. На экране было хорошо видно, как тот подходил к цепи гвардейцев Сомосы, пытался заговорить с ними и как затем один из гвардейцев в упор стрелял в журналиста. На этом фильм заканчивался, и далее шел лицемерный, лживый комментарий о том, что якобы журналиста убили вовсе не сомосовцы, а партизаны. Бернд рассказывал, что его возмутила эта откровенная ложь, и он решил немедленно написать песню под названием «Неоконченный фильм», в которой открыть людям глаза на то, как их беззастенчиво обманывают. И так всегда: события откладываются в голове, назревают вопросы, требующие творческой обработки, рождается музыка — начинается жить песня.

Кёллер был на фестивалях в Дортмунде, Берлине, но «Красная гвоздика» — особенный: Бернд впервые в нашей стране. «Когда в первый день приезда я решил разучить русскую песню, — рассказывает он, — мне многие пытались хоть чем-то помочь. Я очень удивлялся: почему, зачем? А потом понял — это характер народа. Доброжелательность — главная черта советских людей! Огромное спасибо вам за то, что мы смогли собраться все вместе. Мы приехали не за тем, чтобы определить, кто лучший певец за мир. Такого просто не существует, главное — чтобы нас было как можно больше. Мы приехали с одной главной целью — слить свой голос в общую песню борьбы, чтобы ее услышали во всех уголках земного шара, ведь «петь — значит бороться», как сказал чилиец Роландо Оланкор. И эту цель мы достигли».

Константин КОКОШКИН

г. Сочи

Фото Вячеслава КАРЕВА

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ»

Письма — важнейший канал живой связи редакции с читателями. Они помогают нам лучше ориентироваться в обстановке, яснее видеть недостатки и пути их устранения, лучше планировать журнальные публикации. Читатели подсказали немало интересных тем, которые были воплощены на страницах журнала, приняли активное участие в обсуждении различных проблем. Редакция сердечно благодарит всех за добрую помощь в работе.

1982 год — год очередного, XIX съезда ВЛКСМ. На нем пойдет серьезный, деловой разговор о том, как комсомольцы и молодежь страны включились в борьбу за выполнение грандиозных свершений, начертанных историческим XXVI съездом партии, о том, как Ленинский комсомол воспитывает молодых строителей коммунизма.

1. В новой рубрике «Первичная организация: слово и дело», открытой в этом году, мы начали обсуждение работы низовых комсомольских организаций, составляющих основу ВЛКСМ. Использование опыта лучших из них — вот что требуется сегодня прежде всего. Подскажите нам адреса таких организаций.

2. Судя по почте 1981 года, наших читателей заинтересовали проблемы, поднятые в рубриках отдела рабочей молодежи: «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость», «Работа как дело жизни». Какие новые темы вас волнуют? Мы, например, предлагаем рассмотреть под рубрикой «Работа как дело жизни» такие: «Освоение» — об участии комсомольцев и молодежи в развитии районов Сибири, Дальнего Востока; «Социалистическое соревнование» — об опыте и проблемах трудовых комсомольско-молодежных коллективов; «Творчество» — об ударном труде и поиске молодых во втором году XI пятилетки... Ждем ваших предложений, дополнений.

3. В дискуссиях, которые провела за последнее время «Смена», «Что значит — порядочный человек?» и «Далекие близкие» приняли участие многие наши читатели. Какую тему для новой дискуссии вы могли бы предложить еще?

линия отреза

линия сгиба

линия отреза

линия сгиба

МЕСТО ПРИКЛЕИВАНИЯ КЛАПАНА

ЗАОЧНАЯ
ЧИТАТЕЛЬСКАЯ
ЛЕТУЧКА
«СМЕНЫ»

МЕСТО
ДЛЯ
МАРКИ

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена»

линия отреза

клапан

4. «Мир подростка» — этой теме журнал традиционно уделяет много внимания. О каких проблемах воспитания юношества вы хотели бы прочитать на наших страницах?

5. Самые важные открытия сделаны в последние годы на стыках различных областей знаний. О каких открытиях и каких науках вы хотели бы узнать подробнее? С кем из ученых надеетесь встретиться на страницах журнала?

6. По каким дорогам вы хотели бы пройти вместе с нашими журналистами; с прошлым и настоящим каких городов и регионов страны хотели бы познакомиться?

7. Традиционная рубрика «А что у вас?» сообщает о наиболее интересных событиях, которые произошли в жизни вашего города, поселка, трудового коллектива. Итак, что у вас нового?

8. Каково ваше мнение о публикациях журнала, посвященных зарубежным странам, темам международной жизни? О чем вы хотели бы прочитать, с какими авторами встретиться в наших рубриках: «Мир капитала», «Литературный глобус «Смены», «Планета неожиданностей», в ежемесячном «Обзрении»? Какие проблемы труда, жизни, борьбы зарубежных сверстников вас особенно интересуют?

9. Читатели заметили новую журнальную рубрику: «Физкульт-ура!» В своих публикациях мы затрагиваем вопросы организации физкультуры и спорта в различных коллективах. На какие проблемы, по вашему мнению, следует обратить особое внимание?

10. Какие повести и рассказы вам понравились, с произведениями каких авторов вы хотели бы познакомиться?

11. На своих страницах в рубрике «Новое имя» мы знакомим вас с творчеством начинающих поэтов и прозаиков — какие имена вам запомнились?

12. О каких проблемах и течениях в современной музыке должен пойти, по вашему мнению, разговор в последующих выпусках Клуба «Музыка с тобой»?

13. О каких молодых актерах, режиссерах, художниках вы хотели бы узнать? С кем из выдающихся рабочих, деятелей культуры, искусства, науки хотели бы встретиться в нашей традиционной рубрике «Автобиография»? О ком прочесть в серии «ЖЗЛ»?

14. Какие публикации журнала вызвали обсуждение в ваших коллективах, в семье, среди товарищей?

15. В течение прошлого и нынешнего года «Смена» проводила Конкурс эрудитов, принесший редакции тысячи интересных писем от читателей.

Какие конкурсы, викторины, игры, рассчитанные на молодежь, можете предложить вы сами, дорогие читатели? Назовите, если хотите, вашу фамилию, имя, возраст, профессию, место жительства.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.09.81. Подписано к печати 02.10.81. А 05189. Формат 70×108 /8. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 2604. Заказ № 1338. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Конкурс Эрудитов

Игра продолжается. Условия остаются прежними: вопросы на самые разные темы отобраны из ваших писем, дорогие читатели. Отвечая редакции, желательно писать на одной стороне листа. Чтобы облегчить работу жюри, ответы рекомендуются располагать в том порядке, в каком приведены вопросы.

Чем на большее число вопросов ответит участник конкурса, тем больше у него шансов на победу.

Жюри определит победителей в конце тура. Призы, как и прежде, — книги и альбомы.

Участвовать в конкурсе может любой читатель, даже если этот тур окажется для него первым.

Срок отправки писем с ответами на вопросы очередного тура до 31 декабря 1981 года (по штемпелю отправления).

Желаем вам успехов!

А теперь задание нового тура:

1. Как называлась первая поставленная на сцене пьеса, в которой создан образ В. И. Ленина? Кто в ней был исполнителем роли вождя?

С. КОРЫТЧЕНКО,
г. Арзамас, Горьковской области

2. Девизом какого предприятия нашей страны является лозунг: «Пусть атом будет рабочим, а не солдатом»?

Т. МЕЩЕРИНА,
г. Воронеж

3. С какой картины началась знаменитая Третьяковская галерея?

В. БОСОЙ,
г. Биробиджан

4. Хребет Московский и гора Кремль находятся в одном месте. Кто их открыл? Где они расположены?

Н. ПОЛИКАРПОВА,
г. Горький

5. Когда и где сооружен первый в СССР памятник в честь героя Великой Отечественной войны?

Ф. МОРЕНЕЦ,
г. Жданов, Донецкой области

6. Назовите полное имя художника-коммуниста Пабло Пикассо.

7. Кто автор и когда впервые опубликовано стихотворение, начинающееся словами:

Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять...

А. БЛИНОВ,
г. Свердловск

8. Сколько в прежние времена было порогов на Днепре? Назовите их.

И. КОЛЕСНИЧЕНКО,
г. Новая Каховка, Херсонской области

9. Какому дереву не страшна температура абсолютного нуля?

В. ПОЛИКАРПОВ,
пос. Угловка, Новгородской области

10. Кто явился прообразом Митрофанушки в

«Недоросле»? Как повлияла на него постановка пьесы Фонвизина?

В. КИМ,
Москва

11. Из какой ткани были сотканы паруса на каравеллах Колумба? Почему она названа именно так?

В. БЯНКИН,
г. Шилка, Читинской области

12. Кто и где издал самую короткую в мире книгу — всего из двух слов? Цитируйте их.

В. КАРПЕЕВ,
г. Мирный, Архангельской области

13. Есть только одна страна в мире, на разных сторонах государственного флага которой разные изображения. Назовите эту страну. Что изображено на ее государственном флаге?

С. ЕРЕМИН,
пос. Кочкор-Ата, Омской области

14. Кто и когда первым в мире прыгнул с парашютом? А кто первым в России? Назовите также первую парашютистку.

С. ЛОЖКИНА,
г. Кизел, Пермской области

15. Кому из космонавтов Французская Академия наук выдала завещанные 100 тысяч франков? Кто, когда и с каким условием оставил это завещание?

А. БЕЛЯКОВ,
г. Елизово, Камчатской области

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ТУР ДО 31 ДЕКАБРЯ 1981 ГОДА.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—15 и 17—20 журнала).

ДЕСЯТЫЙ ТУР

Во сколько ходов белые быстрее всего дают мат при наилучшей игре партнера?

Белые начинают и дают мат в три хода.

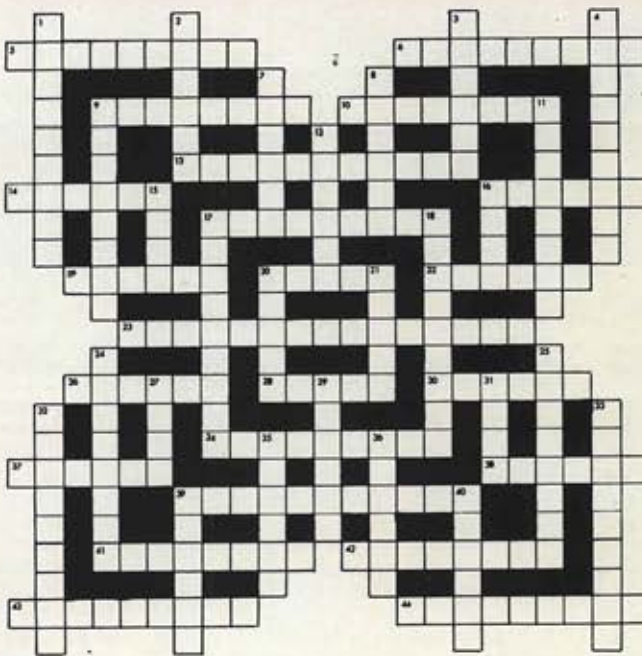
Ход черных. Могут ли они добиться победы?

Редакция настоятельно просит всех участников конкурса ответ на каждое задание, выполненное в сокращенной нотации, присылать на отдельной открытке. Решения, получаемые в конвертах, не рассматриваются. На лицевой стороне открыток слева сверху следует делать пометку «Шахматный конкурс «Смена-81», тур десятый». Помните, пожалуйста, что ответы на опубликованные выше задания направляются в адрес нашей редакции в период с 26 декабря сего года по 10 января 1982 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

КРОССВОРД

составил А. ТАТАРИНОВ,
Ростов-на-Дону

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

6. Реконструкция. 8. Аккордеон. 9. «Чапаяв». 11. «Красин». 13. «Африканка». 16. Ледоруб. 17. Вокализ. 18. Рессора. 19. Городки. 21. Липарит. 23. Батеньков. 25. Якутка. 26. «Арабат». 27. Тавризиан. 30. «Комсомольская».

По вертикали:

1. Октава. 2. Еник. 3. Староконстантинов. 4. Туше. 5. Сценка. 6. Рыбалко. 7. Ярмарка. 10. Алшеронск. 12. Индигирка. 14. Фабрика. 15. Ковалло. 20. «Охотник». 22. Авиация. 23. Батуми. 24. «Ванька». 28. Ввоз. 29. Ильм.

По горизонтали:

5. Город-герой. 6. Стихотворение В. В. Маяковского. 9. Скульптурное изображение. 10. Советский этнограф и писатель, исследователь Дальнего Востока. 13. Картина И. Н. Крамского. 14. Река на Украине и в Молдавии. 16. Действующее лицо балета С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке». 17. Бурятский певец, народный артист СССР. 19. Химический элемент, металл. 20. Строй, расположение войск. 22. Писатель, кинорежиссер, актер, лауреат Ленинской премии. 23. Комсомолка-партизанка, Герой Советского Союза. 26. Южное созвездие. 28. Русская народная сказка. 30. Серия советских многоместных космических кораблей.

По вертикали:

1. Военачальник, дважды Герой Советского Союза. 2. Центр департамента во Франции. 3. Государство в Западной Африке. 4. Алмазоносная горная порода. 7. Бас, народный артист СССР. 8. Вес товара с упаковкой. 9. Область активной жизни на Земле. 11. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 12. Старейший род сухопутных войск. 15. Место якорной стоянки судов. 16. Легкоатлетический снаряд для метания. 17. Мелодический оборот, повторяющийся в музыкальном произведении. 18. Драма Л. М. Леонова. 20. Линия передачи радио. 21. Вытянутая в длину небольшая возвышенность. 24. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 25. Четырехугольная сумка для деловых бумаг, тетрадей, книг. 27. Дугообразное перекрытие между двумя опорами. 29. Фильм, снятый по сценарию А. И. Гельмана. 31. Рассказ К. Г. Паустовского. 32. Склонность, способность к определенному делу, занятию. 33. Киноактриса, народная артистка СССР. 35. Денежная единица Польши. 36. Работница животноводческой фермы. 39. Свето-чувствительный материал в кинематографии. 40. Исторический крейсер Балтийского флота.

«ИЛИАДА» ДЛЯ МАЛЬЧИКА-С-ПАЛЬЧИКА

Владислав ПЕРФИЛЬЕВ.

Фото Юрия ЛУШИНА

Первый летчик-космонавт ГДР Зигмунд Йен перед полетом в космос захватил с собой в подарок В. Коваленку и А. Иванченкову на космическую станцию по экземпляру миниатюрного издания книги «ГДР». Строгие ученые, которые тщательно следят за весом космических посылок, ничего не имели против, потому что книги весили всего по 15 граммов...

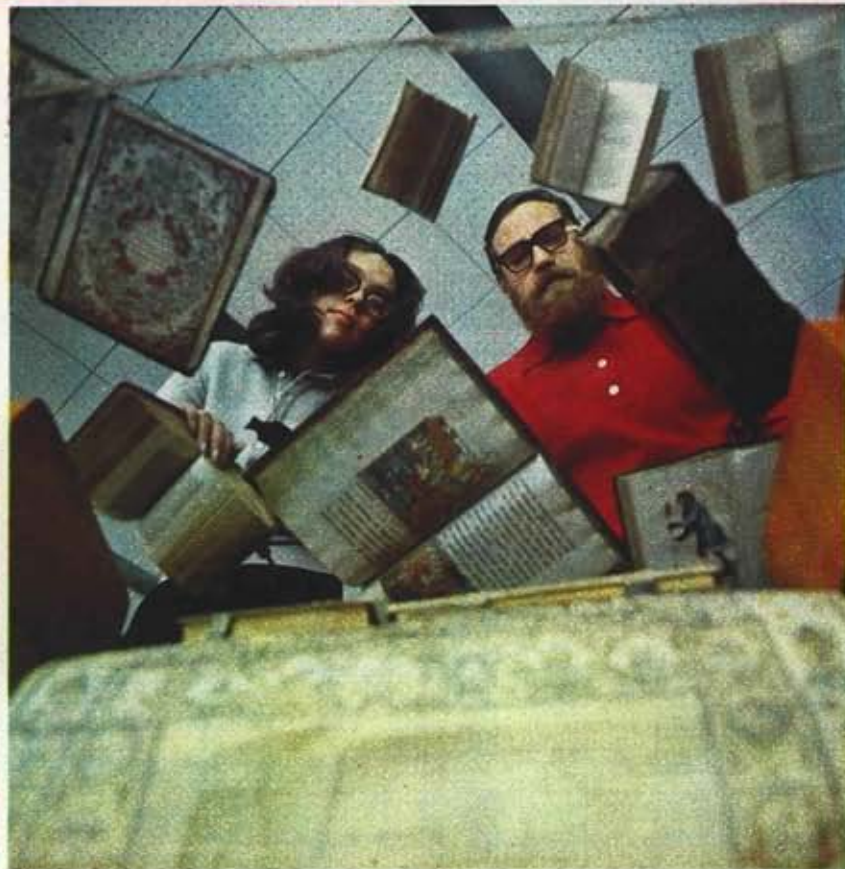
**КНИГИ-МАЛЮТКИ
ПОЯВИЛИСЬ В РОССИИ
ЕЩЕ В XVIII ВЕКЕ.**

О миниатюрной книге порой пишут как о чем-то забавном, под рубриками типа «Курьер курьезов», мол, самая маленькая книга вышла в Японии, ее высота всего 1,4 миллиметра, в ней на двадцати страницах отпечатан текст детских песен, а обложка сделана из натуральной кожи. Остается только разводить руками: чего только на свете не бывает, чем только люди не занимаются!

Кстати сказать, содержание миниатюрной книги, которую пока принято считать первой изданной в России (вышла она в 1788 году), вполне соответствовало такому представлению, она называлась «Искусство быть забавным в беседах», и опубликованы в ней описания различных фокусов.

Но уже больше ста лет назад один человек отнесся к миниатюрным книгам совершенно иначе и предрек им большое будущее. Он писал с сожалением: «У нас еще не было попыток издавать книги, как у иностранцев, так, чтобы они могли составлять дорожную библиотеку и, занимая небольшой шкаф, представляли бы все, что есть лучшего оригинального или переводного по части изящной литературы». Звали этого человека Виссарион Григорьевич Белинский.

Шли годы, миниатюрные книги издавались одна за другой, но радовали главным образом лишь собирателей, коллекционеров. Первыми массовыми

ценителями стали в годы Великой Отечественной войны Ленинградского фронта. Для них специально выпускались книги, которые легко могли уместиться в кармане гимнастерки. Кончилась война, слишком много было других забот, и миниатюрная книжка подзабылась. И так до шестидесятых годов. Именно тогда о ней вспомнили. И как вспомнили!

Это было время так называемого информационного взрыва, когда перед учеными и библиотекарями встал вопрос: как и где хранить издания, объем которых превысил все мыслимые и немыслимые масштабы. Человеческая мудрость, которая, как известно, находит воплощение в книгах, не имела ответа на вопрос: как и где этот гигантский объем книг хранить? Книги выходили и выходили, и нависла реальная перспектива, что Москва просто станет филиалом Библиотеки имени Ленина, Лондон — лондонской и так далее. Множились и личные собрания: на смену скромным этажеркам пришли массивные полки и стеллажи.

Ученые публиковали статьи, где аргументированно доказывали, что единственный выход из создавшегося положения — издание книг в миниатюрном исполнении. Они приводили очень убедительные цифры: объем большого книгохранилища, вмещающего до 10 миллионов библиотечных единиц, с 30 тысяч кубических метров уменьшился бы до размеров одной небольшой комнаты. Что и говорить — соблазнительно иметь целое книгохранилище в соседней комнате.

**СКОЛЬКО МЕСТА
МОЖНО ЭКОНОМИТЬ,
ЕСЛИ ЭТИ КНИГИ
НАПЕЧАТАТЬ
В МИНИАТЮРНОМ ВАРИАНТЕ!**

стихотворением, посвященным Иоганну Гутенбергу.

Издания, выпускаемые «Книгой», не просто образцы издательского и полиграфического искусства, они предназначены для домашних библиотек, как говорится, «выполняют рабочие функции». Можно возразить: а не слишком ли малы их тиражи — ведь их не хватит даже для членов Московского клуба любителей миниатюрных книг, а ведь такие клубы есть и в Ленинграде, и в Киеве, и в других городах... Да, и тиражи невелики, и раскупаются книги в основном собирателями. Тем не менее многие книголюбы продолжают считать, что «звездный час» миниатюрных книг по-прежнему впереди, что наступит пора, когда они станут не только сувениром, прекрасным подарком к дню рождения, а обычным, даже традиционным «инструментом чтения», самой обычной книгой на нашей полке, в нашем портфеле, на нашем столе...

Некоторые скажут, миниатюрные книги читать трудно, глаза сломаешь. Но лупа не портит зрения и может стать таким же привычным инструментом, как очки. Зато сколько шедевров можно уместить на обычной книжной полке!

Конечно, с этим можно спорить, можно и соглашаться, аргументов и в том и в другом случае наберется множество. Например, если положить рядом обычную современную книгу и «Апостол» Ивана Федорова, то сегодняшняя книга покажется напечатанной уж таким мелким шрифтом... Но не будем гордиться с выводами. Их сделает за нас время.

А пока члены обществ любителей

**О БИБЛИОТЕКЕ
МИНИАТЮРНЫХ КНИГ
МЕЧТАЛ ЕЩЕ
ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ
БЕЛИНСКИЙ.**

**НЕКОТОРЫЕ КНИЖКИ
МОЖНО ПРОЧИТАТЬ
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ЛУПУ.**

Теперь чуть ли не каждый директор издательства — неважно, центрального или местного, — закончив разговор о стотысячных или даже миллионных тиражах издаваемых им книг, откроет сейф и покажет (словно между прочим) миниатюрное издание, выпущенное скромным тиражом. Покажет-то, конечно, между прочим, но при этом будет внимательно следить, какое впечатление оно на вас произвело, в достаточной ли мере вы поражены и восхищены.

И такого директора издательства вполне можно понять: открыв, подержав в руках такую книгу, любой сможет по достоинству оценить возможности и умелость издателей, их владение поистине филигранной техникой печати.

Миниатюрные издания выпускают почти все издательства страны, но лишь в одном из них — московском издательстве «Книга» — создана специальная редакция миниатюрных и факсимильных изданий. Тиражи выпускаемых книг невелики — три — пять тысяч экземпляров. Но обратите внимание на названия: «Полтава» А. Пушкина, «Холстомер» Л. Толстого, «Кентерберийские рассказы» Д. Чосера... Это издания, которые книготорговые работники называют «литературой повышенного спроса». И книги эти не надо читать через лупу — они набраны обычным шрифтом, таким же, как и эта корреспонденция. Хотя для миниатюрных книг используют и «перль», и «диамант», и самый мелкий шрифт, которому и название не придумали. Он был изготовлен в 1959 году в Швейцарии, и им набрана листовка со

миниатюрных книг ведут скрупулезный учет: сколько мини-книг выпущено в мире и у нас в стране, — пытаются восстановить их историю. Например, выяснили, что в трудах древнеримского естествоиспытателя Плиния Старшего есть упоминание о микроскопическом списке «Илиады» Гомера...

Еще и в терминологии нет единства, употребляются понятия «микроскопические издания», «микробиблон», «книги-колибри», «книги-карлики» и даже «книги-лилипуты».

Очевидно одно — издаются такие книги все чаще и все большими тиражами. И мгновенно раскупаются — значит, они очень нужны.

**Цена номера 25 коп.
Индекс 70820**